

Зима тревоги нашей

Автор:

[Джон Стейнбек](#)

Зима тревоги нашей

Джон Стейнбек

Эксклюзивная классика (АСТ)

«Зима тревоги нашей» (1961) – последний роман Стейнбека, невероятно современный и актуальный, хотя действие его происходит в 60-е годы в Новой Англии, в вымышленном небольшом городке. Главный герой – Итен Аллен Хоули, потомок некогда очень богатой семьи, ветеран Второй мировой войны, человек образованный, порядочный и честный – оказывается в затруднительном положении.

Он вынужден работать продавцом в бакалейной лавке. Итену, привыкшему к совершенно другой жизни, непросто смириться с таким падением. Тогда он идет на сделку с совестью, чтобы обрести прежний статус и положение. Однако нечестные махинации, вернувшие герою богатство, не делают его счастливым.

Джон Стейнбек

Зима тревоги нашей

Читателям, которые станут доискиваться, какие реальные люди и места описаны здесь под вымышленными именами и названиями, я бы посоветовал посмотреть вокруг себя и заглянуть в собственную душу, так как в этом романе рассказано о том, что происходит сегодня почти во всей Америке.

Часть первая

Глава 1

Когда золотое апрельское утро разбудило Мэри Хоули, она повернулась к мужу и увидела, что он растянул рот мизинцами, изображая лягушку.

- Дурачишься, Итен? - сказала она. - Опять проявляешь свой комический талант?

- Мышка-мышка, выходи за меня замуж.

- Только проснулся и сразу за свое - дурачиться?

- Новый день нам год приносит, вот уж утро настает!

- Так и есть - сразу за свое. А ты помнишь, что сегодня великая Страстная пятница?

Он забубнил:

- Подлые римляне по команде выстраиваются у подножья Голгофы.

- Перестань кощунствовать. Марулло разрешит тебе закрыть лавку в одиннадцать?

- Милый цветочек, Марулло - католик, к тому же итальяшка. Вернее всего, он туда и носу не покажет. Я закрою лавку на перерыв в двенадцать и не открою до тех пор, пока не кончится казнь.

- Пилигримы в тебе заговорили. Нехорошо так.

– Глупости, букашка. Это у меня по материнской линии. Это во мне заговорили пираты. И казнь есть казнь, знаете ли.

– Никакие они не пираты. Ты сам рассказывал, что твои предки – китоловы и что у них были какие-то документы еще со времен Континентального конгресса.

– На судах, которые они обстреливали, их называли пиратами. А та римская солдатня называла казнь казнью.

– Ну вот, рассердился. Мне больше нравится, когда ты дурачишься.

– Да, я дурачок. Кто этого не знает?

– Вечно ты сбиваешь меня с толку. Тебе есть чем гордиться: пилигримы-колонисты и шкиперы китобойных судов – и всё в одной семье.

– А им есть чем?

– Что? Не понимаю.

– Могут мои знаменитые предки гордиться тем, что произвели на свет какого-то паршивого продавца в паршивой итальянской лавчонке в том самом городе, где они когда-то всем владели?

– Ты не простой продавец. Ты скорее вроде управляющего – ведешь всю бухгалтерию, сам сдаешь выручку в банк, сам все заказываешь.

– Верно. И сам подметаю, сам выношу мусор, пресмыкаюсь перед Марулло, и, будь я вдобавок паршивой кошкой, мне бы полагалось ловить у Марулло мышей.

Она обняла его.

– Давай лучше дурачиться, – сказала она. – Не надо так говорить в Страстную пятницу, это нехорошо. Я тебя очень люблю.

– Н-да, – сказал он через минуту. – Все вы поете одинаково. И не воображай, что это дает тебе право лежать в чем мать родила рядом с женатым мужчиной.

– Я хотела рассказать тебе про ребят.

– В тюрьму сели?

– Опять за свои дурачества? Нет, пусть они сами тебе расскажут.

– А что же ты...

– Марджи Янг-Хант сегодня опять будет гадать мне.

– На кофейной гуще? Марджи Янг-Хант, вот она какая, всем дарит улыбки, красотой пленяя...

– Знаешь, если бы я была ревнивая... Говорят, когда мужчина притворяется, будто он и не смотрит на хорошенькую девушку...

– Это она-то девушка? У нее двое мужей было.

– Второй умер.

– Мне пора завтракать. И ты веришь в эту чепуху?

– Но ведь про моего брата Марджи мне нагадала! Помнишь? «Кто-то из родственников, из самых близких...»

– Кто-то из моих родственников, из самых близких, получит хорошего пинка в зад, если сию же минуту не подаст на стол...

– Иду, иду. Яичницу?

– Ну, допустим. Почему называется Великая пятница? Что в ней великого?

– Эх ты! – сказала она. – Тебе бы только паясничать.

Когда Итен Аллен Хоули проскользнул в уголок возле кухонного окна, кофе был уже готов и на столе стояла тарелка с яичницей и гренками.

– Самочувствие великолепное, – сказал он. – Так почему же все-таки Великая пятница?

– Весна, – отозвалась она от плиты.

– Весенняя пятница?

– Лихорадка весенняя. Вот она тебя и треплет. А что ребята, встали?

– Как же, дожидайся! Лежебоки несчастные. Давай разбудим их и выпорем.

– Когда на тебя находит, ты бог знает что несешь. В перерыв придешь домой?

– Нет-с, не приду.

– Почему?

– Женщины. Назначаю им свидание на это время. Может, твоя Марджи заглянет.

– Перестань, Итен! Зачем ты так говоришь? Марджи настоящий друг. Она последнюю рубашку с себя снимет.

– Вот как? А есть ли на ней рубашка-то?

– Опять в тебе пилигримы заговорили.

– Держу пари, что мы с ней в родстве. Она тоже пиратских кровей.

– Ну перестань дурачиться. Вот тебе список. – Она сунула листок бумаги ему в нагрудный карман. – Тут очень всего много. Но не забудь, дело к Пасхе. И двадцатка яиц тоже не забудь. Скорее, а то опоздаешь.

– Сам знаю. Чего доброго, упущу одного покупателя и лишу Марулло двадцати центов выручки. А зачем сразу два десятка?

– Красить. Аллен и Мэри-Эллен просили обязательно принести. Ну, тебе пора.

– Ухожу, ромашка... Только позволь, я поднимусь на минуточку наверх и спущу шкуру с Аллена и Эллен?

– Ты ужасно их балуешь, Итен! Так все-таки нельзя.

– Прощай, прощай, кормило власти, – сказал он, захлопнув за собой дверь с металлической сеткой, и вышел в золотисто-зеленое утро.

Он оглянулся на красивый старинный дом его отца и прадеда – дом, выкрашенный в белую краску, с полуциркульным окном над парадной дверью, с лепными карнизами в стиле Роберта Адама[1 - Известный английский архитектор XVIII века, испытавший в своем творчестве сильное влияние античной архитектуры.] и «вдовьей дорожкой» на крыше. Дом стоял в глубине зеленеющего сада среди столетней, набухшей почками сирени с могучими, чуть не в два обхвата, стволами. Вязы на Вязовой улице смыкали свои кроны через дорогу и отливали желтизной сквозь молодую листву. Солнце только что ушло со здания банка и засверкало на серебристой башне газового завода, гоня в город солено-йодистые запахи из Старой гавани.

На утренней Вязовой улице только одна живая душа – рыжий сеттер мистера Бейкера, банкирская собака, Рыжий Бейкер, который не спеша, с достоинством шествовал по тротуару, время от времени замирая и принюхиваясь к визитным карточкам на стволах вязов.

– С добрым утром, сэра. Я Итен Аллен Хоули. Мы с вами как-то вместе справляли свои нужды.

Рыжий Бейкер остановился и ответил на приветствие размеренным помахиванием пушистого рыжего хвоста.

Итен сказал:

– А я вот стою и смотрю на свой дом. Умели строить в прежние времена.

Рыжий склонил голову набок и раза два небрежно поскреб задней лапой по ребрам.

– А хитрое ли это дело? С их-то денежками! Ворвань со всех морей и океанов и спермацет. Что такое спермацет – вам известно?

Рыжий протяжно вздохнул.

– Видимо, нет? Это прозрачное, чудесно пахнущее розой жироподобное вещество, содержащееся в черепных полостях кашалота. Читай «Моби Дика», пес. Мой тебе совет.

Сеттер задрал ногу на чугунную коновязь у обочины тротуара.

Уходя, Итен бросил ему через плечо:

– Дашь отзыв об этой книге. Может, мой сын что-нибудь у тебя почерпнет. Он даже не сумеет правильно написать слово «спермацет»... и не только это слово.

Через два квартала от старинного дома Итена Аллена Хоули Вязовая улица под прямым углом впадает в Главную. Посредине первого квартала разбойничья банда воробьев дебоширила на едва начинающей зеленеть лужайке перед домом Элгаров. Воробьи не резвились, а налетали друг на друга, валяли друг друга в траве, норовили выклевать друг другу глаза, и все это с такой яростью, с таким шумом, что даже не заметили, как Итен подошел к ним посмотреть на их драку.

– Дружно в гнездышке живем, всем пример вам подаем, – сказал он. – Свет не слышал подобного вранья. Вы, братцы, даже в такое прекрасное утро не можете поладить между собой. А святой Франциск носился с вами, стервецами! Кш-ш! – Он ринулся на них, поддал ногой, и воробьи взмыли вверх в шелестящем гуле крыльев, выражая свое крайнее недовольство скрипучим, как несмазанная дверь, чириканьем. – И разрешите мне поведать вам вот что, – сказал Итен им вслед. – Солнце померкнет в полдень, и тьма покроет землю, и страх обуяет вас. – Он ступил на тротуар и пошел дальше.

В старинном доме Филлипсов во втором квартале теперь открыли пансион. Из его парадной двери вышел кассир местного отделения Первого национального банка Джой Морфи. Он поковырял в зубах, одернул жилет и кивнул Итену.

– А я как раз собирался заглянуть к вам, мистер Хоули, – сказал он. – Почему Страстную пятницу называют великой?

– Это по-латыни, – сказал Джой. – Великус, великиус, великум, в смысле – «препаскудная».

Физиономия у Джоя была лошадиная, и улыбался он по-лошадиному, вздергивая длинную верхнюю губу и обнажая крупные квадратные зубы. Джозеф Патрик Морфи, Джой Морфи, Джой-бой, Морф – отнюдь не старожил Нью-Бэйтауна, но тем не менее личность весьма популярная в городе. Балагур, который отпускает шуточки с бесстрастным выражением лица, будто блефуя при игре в покер, зато прямо-таки скисает со смеху, слушая анекдоты других рассказчиков, даже если и не в первый раз. Чего он только не знал, этот Морф, решительно обо всех и обо всем, начиная с мафии и кончая Маунтбэттенем, но выдавал он свою информацию таким тоном, что она звучала почти как вопрос. Благодаря вопросительным ноткам в нем не чувствовалось самоуверенности всезнайки, и от этого слушателям казалось, будто они причастны к его рассказам, что позволяло им выдавать их потом за свои собственные. Джой был любопытнейший тип: по натуре азартный, а никто не слышал, чтобы он когда-нибудь заключил хоть одно пари; опытный бухгалтер, замечательный банковский кассир. Директор местного отделения Первого национального банка мистер Бейкер оказывал Джюю такое доверие, что переложил на него почти всю свою работу. Морф был на дружеской ноге со всеми в городе, но никого не называл по имени. Итен был для него мистером Хоули, Марджи Янг-Хант – миссис Янг-Хант, хотя, по слухам, Джой спал с ней. У него не было ни семьи, ни родственных связей, жил он один в двух комнатах с отдельной ванной в старинном доме Филлипсов, столовался большей частью в ресторане «Фок-мачта». Его послужной список – безупречный – был досконально известен мистеру Бейкеру и всем членам правления, но Джой-бой так рассказывал истории из жизни якобы других людей, что у слушателей невольно возникала мысль: а не произошло ли это с самим Джоем – и в таком случае он был тертый калач. То, что Джой не выставлял себя напоказ, вызывало к нему еще большую симпатию. Ногти у него всегда были чистые, костюм хорошо и по моде сшитый, рубашка – свежая, башмаки – начищенные.

Оба не спеша зашагали по Вязовой улице к Главной.

– Я все хочу спросить вас. Адмирал Хоули вам кем-нибудь приходится?

– Может быть, адмирал Холси? – сказал Итен. – В нашей семье моряков было много, но про адмирала я впервые слышу.

– Я знаю, что дед у вас был шкипер китобойного судна, потому, вероятно, мне и втемяшился этот адмирал.

– Такие городишки, как наш, не обходятся без легенд, – сказал Итен. – Вот и говорят, будто мои прапрадеды по отцовской линии пиратствовали в давние времена, а материнские предки прибыли в Америку на «Мэйфлауэре».

– Итен Аллен?[2 - Американский просветитель, живший в XVIII веке.] – сказал Джой. – Господи помилуй! Он тоже ваш родственник?

– Очень возможно. Даже наверное, – сказал Итен. – Какой сегодня денек! Лучше, кажется, и пожелать нельзя. Вы хотели зайти ко мне?

– А, да! У вас сегодня с двенадцати до трех перерыв? Приготовьте-ка мне два сэндвича к половине двенадцатого, можно? Я тогда забегу за ними. И еще бутылку молока.

– А банк разве не закрывается?

– Банк закрывается. Я – нет. Маленький Джой так и будет торчать там, прикованный цепями к своим гроссбухам. В такие дни, накануне больших праздников, все, до последней собаки, лезут в банк, каждый со своим чеком.

– Вот не думал, – сказал Итен.

– Ну как же! Пасха, День памяти павших, День независимости, День труда... да перед любым большим праздником. Если бы я решил ограбить банк, то непременно приурочил бы это к кануну большого праздника. Денежки-то лежат готовенькие, ждут – дожидаются.

- А при вас, Джой, когда-нибудь грабили?

- Нет. Но с одним моим приятелем это стряслось дважды.

- Что же он рассказывал?

- Рассказывал, что здорово струхнул. Делал все, как ему было велено. Лег на пол
- и пожалуйста, берите. Деньги, говорил, крепче застрахованы, чем я.

- Сандвичи я занесу, когда закрою лавку. Постучусь в боковую дверь. Вам с чем приготовить?

- Не беспокойтесь, мистер Хоули. Долго ли мне перебежать с угла на угол!..
Один с ветчиной, один с сыром. Хлеб ржаной, салат и майонез. И еще, пожалуй,
бутылку молока и кока-колы, но это на потом.

- Есть хорошая салями - хозяин-то у меня итальянец.

- Нет, спасибо. Как он там, кстати, этот местный представитель мафии?

- По-моему, ничего.

- Ну что ж, если даже не любишь этих макаронщиков, все равно перед таким
надо преклоняться. Торговал человек с тележки овощами, дальше - больше, а
теперь чем только не обзавелся!

Да, голова у него работает. Знал бы кто, какое он состояние накопил... Но
напрасно я об этом говорю. Банковским служащим не полагается болтать.

- А вы ничего не разболтали.

Они вышли на угол, где Вязовая улица упирается в Главную. И оба машинально
остановились и посмотрели на розово-белые руины старинной гостиницы,
которую сносили, чтобы освободить место для нового магазина Вулворта.
Выкрашенный в желтую краску бульдозер и высоченный кран с ударной шар-
бабой молчали, точно хищники, затаившиеся в утренней тиши.

– Вот кому я всегда завидую, – сказал Джой. – Какое, наверно, наслаждение: вдарил этой стальной штуковиной, и глядишь – целая стена рухнула.

– Я во Франции вдоволь этого насмотрелся, – сказал Итен.

– Да! Ведь ваше имя есть на обелиске у набережной.

– А тех, что совершили нападение на вашего приятеля, поймали? – Итен догадывался, что приятель этот был сам Джой. На его месте каждый бы догадался.

– Ну конечно! Попались, как мыши в мышеловку. Налетчики, слава богу, народ не хитрый. А вот если бы Джой-бой написал руководство по ограблению банков, полиция никогда бы никого не поймала.

Итен рассмеялся:

– А откуда вы все это знаете?

– Из первоисточника, мистер Итен. Читаю газеты, только и всего. Кроме того, один мой хороший знакомый работал в сыскной полиции. Желаете, прочитаю вам двухдолларовую лекцию на эту тему?

– Валяйте на семьдесят пять центов. Мне пора открывать.

– Леди и джентльмены, – сказал Джой. – Сегодня мы с вами приступим... Нет, стоп! Почему попадают после налета на банк? Пункт первый: рецидивисты, судимость в прошлом. Пункт второй: перегрызлись из-за добычи, и кто-нибудь накапал. Пункт третий: дамочки. Без дамочек не могут, а отсюда пункт четвертый: начинают сорить деньгами. Послешивайте за такими – и ваше дело в шляпе.

– Так в чем же заключается ваш метод, господин профессор?

– Метод самый что ни на есть простой. Все наоборот. Никогда не совершайте налета на банк, если вы в чем-нибудь уже замешаны и за что-нибудь привлекались. Никаких сообщников – все в одиночку, и никому, ни единой душе

ни слова. О дамочках и думать забудьте. Денег тех не трогать. Убрать подальше, и не на один год. Потом, когда сможете сочинить какое-нибудь объяснение, откуда у вас завелись деньжата, извлекайте их на свет божий небольшими суммами и вкладывайте в ценные бумаги хотя бы. Тратить просто так нельзя.

– Ну а вдруг налетчика узнают?

– Если он закроет лицо и не произнесет ни слова, как его узнаешь? Читали когда-нибудь показания очевидцев? Они же черт-те что несут. Мой приятель из полиции говорил, что, когда его подставляли среди других для опознания какого-нибудь преступника, потерпевшие то и дело на него показывали. Голову давали на отсечение, что это он самый и есть. Вот вам, извольте, на семьдесят пять центов.

Итен сунул руку в карман.

– За мной.

– Сандвичами будете погашать, – сказал Морфи.

Чтобы попасть в переулок, под прямым углом отходивший от Главной улицы, им пришлось перейти на противоположную сторону. Джой вошел через боковую дверь в здание Первого национального банка по правую сторону переулка, а Итен отпер ключом тоже выходившую в переулок, но по левую его сторону дверь лавки Марулло «Бакалея, Гастрономия, Консервы и Фрукты».

– С ветчиной и сыром? – крикнул он.

– На ржаном... Не забудьте салат и майонез. Пыльное зарешеченное окно туманило и без того слабый свет, проникавший из узенького переулка в кладовую за лавкой. Итен на минуту задержался в полутьме этого помещения с полками до самого потолка, где впритык стояли картонные и деревянные ящики с консервированными фруктами, овощами, рыбой, плавленым сыром и колбасами. Он повел носом, стараясь уловить, не пахнет ли мышами сквозь зланный аромат муки, фасоли и сушеного горошка, канцелярский запах коробок с корнфлексом, тяжелый, сытный дух колбас и сыра, сквозь отдающие дымком окорока и бекон, зловоние капустных листьев, салата и свекольной ботвы, гниющих в серебристых мусорных урнах у боковой двери. Не обнаружив

прогоркло-плесенного мышинового смрада, он снова отворил боковую дверь лавки и выкатил в переулок наглухо закрытые крышками мусорные урны. В лавку хотел было прошмыгнуть серый кот, но он прогнал его.

– Нет, шалишь, – было сказано ему. – Крысы и мышки – закуска для котишки, а этой киске подавай сосиски. Сгинь! Тебе говорят, сгинь! – Сидя на тротуаре, кот вылизывал розовый комочек лапки, но после второго «сгинь» он мотнулся через переулок, высоко задрал хвост, и одним махом одолел дощатый забор позади банка. – А слово-то, видно, магическое, – вслух сказал Итен. Он вернулся в кладовую и затворил за собой дверь.

Два-три шага по запыленной кладовой к двери в лавку, но у крошечной уборной ему послышался шепоток струящейся воды. Он отворил фанерную дверцу и спустил воду. Потом толкнул широкую внутреннюю дверь с забранным сеткой окошечком и носком башмака плотно вогнал деревянный клин под низ.

Сквозь шторы на двух больших витринах в лавку просачивался зеленоватый свет. И тут тоже полки до самого потолка с аккуратными рядами консервов в поблескивающих металлом и стеклом банках – настоящая библиотека для желудка. Справа – прилавок, кассовый аппарат, пакеты, моток бечевки и это великолепие из нержавеющей металла и белой эмали – холодильник с витриной, в котором компрессор что-то тихонько нашептывает сам себе. Итен щелкнул выключателем, и холодная голубизна неоновых трубок залила нарезанные копчености, сыры, сосиски, отбивные, бифштексы и рыбу. Лавка засияла отраженным кафедральным светом, рассеянным кафедральным светом, как в Шартрском соборе. Итен, залюбовавшись, обвел ее глазами – органые трубы консервированных томатов, капеллы баночек с горчицей, с оливками, сотни овальных гробниц из сардинных коробок. Он затянул гнусавым голосом:

– Одинокум и одинорум, – как с амвона. – Один одиносик во славу одинутрии домине... ами-инь! – пропел он. И будто наяву услышал комментарий жены: «Перестань дурачиться, и кроме того, другим это может показаться оскорбительным. Нельзя так походя оскорблять людей в их лучших чувствах».

Продавец в бакалейной лавке – в бакалейной лавке Марулло, – человек, у которого есть жена и двое любимых деток. Когда он бывает один? Когда и где он может остаться один? Днем – покупатели, вечером – жена и ребятишки, ночью – жена, днем – покупатели, вечером – жена и ребятишки.

– В ванной, вот где, – вслух сказал Итен. – И сейчас, до того как я открою шлюз. – О, терпкий дух, мысли вслух, неряшливая дурашливость этих минут – чудных и чудных минут... – Сейчас я тоже кого-нибудь оскорбляю, прелесть моя? – спросил он жену. – Здесь никого нет – ни людей, ни их лучших чувств. Никого, кроме меня и моего одинокум одинорума, до тех пор пока... пока я не открою эту треклятую дверь.

Из ящика под прилавком справа от кассы он достал чистый фартук, расправил его, выпростал тесемки, обтянул им свои узкие бедра, провел тесемки наперед и снова за спину. Потом обеими руками на ощупь завязал сзади узел.

Фартук был длинный, чуть не до щиколоток. Итен воздел правую руку ладонью вверх и провозгласил:

– Внемлите мне, о вы, консервированные груши, маринады и пикули! «Когда же настало утро, собрались старейшины народа, первосвященники и книжники, и ввели Его в свой синедрион...» Когда настало утро. Рано принялись за дело, сукины дети! Ни минутки лишней не упустили. Как там дальше? «Было же около шестого часа дня...» По-нашему, это, наверно, полдень. «И сделалась тьма по всей земле до часа девятого. И померкло солнце». Как я все это помню? Боже милостивый! Долго же ему пришлось умирать – мучительно долго! – Он опустил руку и вопросительным взглядом обвел заставленные товаром полки, будто ожидая от них ответа. – Сейчас ты мне ничего не говоришь, Мэри, лепешечка моя. Может быть, ты из дочерей иерусалимских? «Не плачьте обо мне, – рек Он. – Но плачьте о себе и о детях ваших... Ибо если с зеленеющим деревом это делают, то с сухим что будет?» До сих пор не могу спокойно слушать. Тетушка Дебора и не подозревала, как глубоко западет это мне в душу. Но шестой час еще не наступил... нет, еще рано, рано.

Он поднял зеленые шторы на обеих больших витринах, говоря:

– Входи, новый день! – Потом повернул ключ в дверях. – Прошу пожаловать, мир божий! – Обе зарешеченные створки настезь, и на них – крюки, чтобы не захлопнулись. И навстречу – утреннее солнце, нежно пригревающее асфальт, как ему, солнцу, и полагалось в эти дни, потому что в апреле оно вставало в том месте, где Главная улица сбегала к заливу.

Итен прошел в уборную и взял там метлу подмести тротуар.

День – то, что называется день-деньской, – не един с утра до вечера. Его окрашивает не только воспарение света в зенит и обратный путь к закату, в нем меняется все – весь строй его, ткань, тон и смысл; его корежат тысячи факторов всех времен года: зной, стужа, затишье, ветер; он подвластен запахам сладости или горечи трав, листа, почки, холоду льдинки, черноте голых веток. И по мере того как меняется день, меняются и все его подданные: букашки и птицы, кошки, собаки, бабочки и люди.

Тихий, затуманенный, обращенный внутрь день Итена Аллена Хоули подошел к концу. У того человека, который размеренно, будто под метроном, подметал тротуар, не осталось ничего общего ни с проповедником, взывающим к консервным банкам, ни с «одиноким одиноким», ни даже с тем – неряшливо-дурашливым. Взмахами метлы он собирал окурки сигарет, обертку жевательной резинки, чешуйки почек с деревьев и просто пыль и ряд за рядом гнал этот нанос мусора ближе к канаве, где его подберут мусорщики с серебристого грузовика.

Мистер Бейкер степенно шествовал из своего дома на Каштановой улице к красно-кирпичной базилике Первого национального банка. Шаги у него были неодинаковой длины, но вряд ли кто-нибудь мог подумать, что, веря в древнюю примету, он боится наступить на тень своей матери.

– С добрым утром, мистер Бейкер, – сказал Итен и пропустил один взмах метлы, чтобы не запылить тщательно отутюженные темные брюки директора банка.

– С добрым утром, Итен. С прекрасным утром.

– Да, действительно, – сказал Итен. – Весна пришла, мистер Бейкер. Крот-то, хитрец, оказался прав.

– Да, хитрец, хитрец. – Мистер Бейкер помолчал. – Я все собираюсь поговорить с вами, Итен. Ваша жена получила по завещанию брата... э-э... больше пяти тысяч, кажется?

– За вычетом налогов шесть тысяч пятьсот, – сказал Итен.

– И они лежат в банке просто так. Вложить надо во что-нибудь. Давайте обсудим это. Ваши деньги должны работать на вас.

– Шесть с половиной тысяч много не наработают, сэр. Деньги небольшие, так, про черный день.

– Я не поклонник мертвых капиталов, Итен.

– Да, но... не меньше служит тот высокой воле, кто стоит и ждет.

В голосе у банкира появились ледяные нотки.

– Не понимаю. – Судя по интонации, он прекрасно все понял, но счел это замечание глупым, и его тон кольнул Итена, а укол самолюбия породил на свет ложь.

Метла прочертила чуть заметный полукруг на тротуаре.

– Дело в том, сэр, что эти деньги оставлены Мэри как временное обеспечение. На тот случай, если вдруг со мной что-нибудь стрясется.

– Тогда вам надо взять оттуда некоторую сумму и застраховать жизнь.

– Но ведь они даны ей во временное пользование, сэр. Это имущество брата Мэри. Ее мать все еще жива. И может прожить еще не один год.

– Так, понимаю. Старики частенько бывают в тягость.

– И частенько держат деньги под спудом. – Сказав неправду, Итен взглянул на мистера Бейкера и увидел, как из-под воротничка у банкира проступила краснота. – Ведь знаете, сэр, может так случиться: вложишь во что-нибудь эти деньги Мэри и вылетишь в трубу, как я и сам однажды вылетел со своими собственными и как мой отец умудрился вылететь.

– Все течет, все меняется, Итен. Все меняется. Я знаю, вы сильно обожглись. Но теперь совсем другие времена, другие возможности.

– Возможностей у меня и тогда было много, мистер Бейкер, гораздо больше, чем здравого смысла. Не забывайте, что я завел лавку сразу после войны. Продавал

полквартиры недвижимости, чтобы закупить товар для нее. И это было последнее наше предприятие.

– Знаю, Итен. Ведь вы же держите деньги у меня в банке. Врач проверяет ваш пульс, а я – ваш текущий счет.

– Еще бы вам не знать. Мне и двух лет не понадобилось, чтобы прогореть почти дотла. Все продал, кроме дома, когда расплачивался с долгами.

– Не взваливайте всю вину на себя. Только что из армии, опыта в делах ни малейшего. И не забывайте еще, что вы угодили домой в самый разгар депрессии, которую мы почему-то именовали спадом. Закаленные дельцы и те уходили под воду.

– Я ушел под воду на самое дно. Первый случай в истории, чтобы член семьи Хоули служил продавцом в бакалейной лавке у какого-то итальяшки.

– Вот тут я отказываюсь вас понимать, Итен. Крах может потерпеть каждый. Но как не преодолеть в себе этого вам, человеку из рода Хоули, из такой среды, с таким образованием! У вас, наверно, кровь стала жидкая, если вы решили, что это уже на веки вечные. Что вас подкосило, Итен? Подкосило и не дает выпрямиться?

Итен хотел было начать сердитую отповедь: ну конечно, где вам понять! Вы никогда ничего подобного не испытали... Но вместо этого он подровнял метлой кучку сигаретных окурков и оберток от жевательной резинки и двинул ее к канаве.

– Так не бывает, чтобы человека подкосило и ему сразу конец. Я хочу сказать, что с большой бедой как-то борются. Эрозия – вот что его разъедает и все ближе и ближе подталкивает к гибели. Постепенно он поддается чувству страха. Мне тоже страшно. Электроосветительная компания Лонг-Айленда может выключить у нас свет. Моей жене нужно одеваться. Детям нужна обувь, нужны развлечения. А вдруг они не смогут кончить школу? А ежемесячные счета, врачи, дантисты, удаление миндалин, а представьте себе, вдруг я сам заболею и не смогу подметать этот тротуар, будь он проклят? Конечно, где вам понять! Процесс этот медленный. Он выедает человеку все нутро. Я не могу заглядывать вперед дальше очередного ежемесячного взноса за холодильник. Моя работа

ненавистна мне, и в то же время я боюсь ее потерять. Разве вы в состоянии понять это?

– А мать Мэри?

– Я же вам говорил. Она держит деньги под спудом. Так и умрет с ними.

– Вот не подозревал! Мне казалось, что Мэри из небогатой семьи. Но я прекрасно понимаю: если заболеешь, то нужны лекарства, может потребоваться операция или электрошок. Наши предки были смелый народ. Вы сами это знаете. Они не позволяли обглаживать себя до костей. Теперь времена изменились. Теперь повсюду открываются такие возможности, о каких они и мечтать не могли. А пользуются этими возможностями иностранцы. Иностранцы обгоняют нас. Проснитесь, Итен!

– А как быть с холодильником?

– Пусть забирают, раз так.

– А Мэри, а дети?

– Забудьте их на время. Вы станете им еще дороже, если выкарабкаетесь из этой ямы. От ваших забот и тревог толку мало.

– А деньги Мэри?

– Рискните, даже если придется потерять их. Действуйте осторожно и прислушивайтесь к добрым советам, тогда все будет хорошо. Риск – это не проигрыш. Наши с вами предки всегда рисковали с точным расчетом, и никто из них не оставался в проигрыше. Я не намерен щадить вас, Итен. Где ваша верность памяти старого шкипера Хоули? Вы в долгу перед его памятью. Ведь он и мой отец сообща владели «Прекрасной Адэр» – одним из самых лучших китобойных судов, построенных в наше время. Подхлестните себя, Итен! Перед «Прекрасной Адэр» вы тоже в долгу, и она с вас требует. Пошлите холодильник к черту!

Кончиком метлы Итен принудил упрямый обрывок целлофана свалиться в канаву. Он сказал вполголоса:

– «Прекрасная Адэр» сгорела по самую ватерлинию, сэр.

– Да, знаю. Но разве это хоть сколько-нибудь помешало нам? Отнюдь.

– Она была застрахована.

– Разумеется, была.

– А я нет. Мне удалось спасти только свой дом и больше ничего.

– Выкиньте такие мысли из головы. Это все дела давно минувшие, а вы до сих пор не можете с ними расстаться. Наберитесь мужества, дерзайте! Поэтому я и говорю, что деньги Мэри надо пустить в оборот. Я хочу помочь вам, Итен.

– Спасибо, сэр.

– Мы снимем с вас этот фартук. Вот в чем ваш долг перед старым шкипером Хоули. Он не поверил бы собственным глазам, увидя вас в таком наряде.

– Да, наверно.

– Вот теперь вы говорите дело. Мы снимем с вас этот фартук.

– Если б не Мэри и не дети...

– Говорят вам: выкиньте семью из головы ради ее же блага. У нас в Нью-Бэйтауне скоро начнутся интересные дела. Вы могли бы принять участие в них.

– Благодарю вас, сэр.

– Я обо всем этом еще подумаю.

– Мистер Морфи сказал, что он останется работать, когда банк закроют до трех часов. Я обещал приготовить ему сэндвичи. Могу и вам принести, хотите?

– Нет, благодарю. Джой за меня все делает. Прекрасный работник. Я хочу посмотреть кое-какие земельные участки. Разумеется, не на месте, а в Окружном управлении. От двенадцати до трех там тихо, спокойно. Может быть, и для вас что-нибудь подберу. Мы с вами скоро обо всем поговорим. Ну, всего доброго. – Мистер Бейкер сделал большой шаг, чтобы не наступить на трещину в тротуаре, и пошел к главному входу в Первый национальный банк, а Итен улыбнулся, глядя на его удаляющуюся спину.

Итен быстро кончил подметать, потому что люди струйками и ручейками текли на работу. У входа в лавку он поставил лотки со свежими фруктами. Потом, убедившись, что прохожих нет, снял с полки три банки консервированного собачьего корма, сунул руку в освободившееся пространство, вынул оттуда зловеще-серый мешочек с деньгами, поставил банки обратно и, нажав пустой клавиш кассы, разложил двадцатки, десятки, пятерки и однодолларовые бумажки по местам, под придерживающие их колесики. А в передней части выдвижного кассового ящика легли, каждая в свою дубовую чашечку, монеты по пятьдесят, двадцать пять, десять, пять центов и по одному пенни. Пока что покупателей было немного: дети, посланные за кирпичиком хлеба, или картонкой молока, или фунтом не запасенного вовремя кофе, – большей частью девочки с нерасчесанными со сна волосами.

Вошла Марджи Янг-Хант в свитере цвета сомон, вызывающе облегавшем бюст. Твидовая юбка любовно льнула к ее бедрам и подхватывала горделивый зад, но только в глазах Марджи, в ее карих близоруких глазах, видел Итен то, чего не могла увидеть его жена, потому что в присутствии жен там ничего такого не было. Хищный зверек, Артемида, охотница за брюками. Старый шкипер Хоули называл такой взгляд «блудливым». И в голосе у нее это тоже слышалось – в его бархатистой тягучести, которую сменяло сладенькое доверительное верещанье в расчете на жен.

– Здравствуйте, Ит, – сказала Марджи. – Какой денек! Самый раз для пикника.

– Здравствуйте. Хотите пари? Остались без кофе?

– Если вы догадаетесь, что я осталась без таблеток для шипучки, тогда вас надо обходить за два квартала.

– Здорово кутнули?

– Не так чтобы очень, но... Разъездной торговый агент, порассказал всего с три короба. С нами, разводками, безопасно. Полный портфель бесплатных образцов. У вас такие, наверно, зовутся просто коммивояжерами. Вы, может, знаете его? Не то Биккер, не то Боккер. От фирмы «Б.Б.Д. и Д.». Почему я обо всем этом говорю? Потому что он собирался зайти к вам.

– Мы большей частью заказываем у Вэйландса.

– Этот мистер Бяккер, наверно, уже рыщет по городу, если, конечно, самочувствие у него чуточку приличнее, чем у меня. Дайте-ка стакан воды. Для начала я тут выпью.

Итен сходил в кладовую и принес бумажный стакан с водой из-под крана. Бросив туда три плоские таблетки, Марджи дождалась, когда вода зашипит.

– Будьте, – сказала она и выпила шипучку залпом. – Ну, черт, скорее действуй!

– Я слышал, вы собираетесь сегодня предсказать Мэри ее судьбу.

– О господи! Из головы вон! Всерьез, что ли, мне этим заняться? Тогда бы я и свою судьбу устроила.

– Мэри очень это нравится. А вы в самом деле умеете гадать?

– Тут особого умения не нужно. Наслушаешься, что люди, то есть женщины, говорят о себе, а потом им же все это и выложишь, а они считают тебя пророчицей.

– Ну а про высоких брюнетов?

– И про брюнетов, конечно. Но если бы я умела читать в мужских сердцах, не было бы у меня в жизни таких промахов. Ох-ох-ох! И вляпалась же я разочка два!

- Ваш первый муж, кажется, умер?

- Нет, второй, мир праху его, сукину... Ладно, замнем. Мир праху его.

Итен участливо поздоровался с престарелой миссис Ежизинской и, стараясь подольше растянуть отпуск четверти фунта масла, даже одобрительно отозвался о погоде, но Марджи Янг-Хант не торопилась уходить, а с улыбкой разглядывала банки паштета с золотыми наклейками и миниатюрные, как футляры для драгоценностей, баночки черной икры на прилавке около самой кассы.

- Ну? - сказала Марджи, когда старуха, с трудом волочившая ноги, вышла из лавки, бормоча что-то себе под нос по-польски.

- Что - ну?

- Да так, вдруг в голову пришло... Если б я знала мужчин так же хорошо, как женщин, можно было бы гадать с вывеской. Поучили бы вы меня, Итен, что такое мужчины.

- Вы и так достаточно их знаете. Может быть, даже больше чем достаточно.

- Вот человек! Чувства юмора, что ли, у вас нет?

- Прикажете сейчас начать обучение?

- Нет, как-нибудь вечерком.

- Хорошо, - сказал он. - Кружок. Мэри, вы и двое деток. Тема занятий: мужчины, их слабые стороны, их глупость и как ими пользоваться.

Марджи не обратила внимания на его тон.

- Разве так не бывает, что вам приходится просиживать за работой целые вечера? Отчеты к первому числу и прочее тому подобное?

- Бывает. Работу беру на дом.

Она подняла руки над головой и запустила все десять пальцев в волосы.

- Почему? - спросила она.

- Потому что потому оканчивается на «у».

- А вы многому могли бы меня научить? Итен сказал:

- «И когда насмеялись над Ним, сняли с Него багряницу и одели Его в одежды Его, и повели Его на распятие. Выходя, они встретили одного Киринеянина, по имени Симон, и заставили сего нести крест Его. И, пришедши на место, называемое Голгофа, что значит Лобное место...»

- А ну вас!

- Да-да, все так и было.

- Вам известно, что вы настоящий сукин сын?

- Известно, о дочь иерусалимская!

Она вдруг улыбнулась.

- Знаете, что я сделаю? Такого сегодня нагадаю одному человеку, любо-дорого! Вы у меня будете самой что ни на есть важной персоной.

Поняли? Чего ни коснетесь, все превратится в золото. Народный глашатай! - Она быстро подошла к двери и, оглянувшись с порога, оскалила зубы в улыбке. - Ну-ка, попробуйте оправдать свою репутацию и попробуйте не оправдать! До свидания, Спаситель! - Как странно звучит цоканье каблуков по тротуару, когда ими отстукивают в ярости.

К десяти часам все изменилось. Распахнулись широкие стеклянные двери банка, и людская речка потекла туда за деньгами, а потом завернула к Марулло и

вынесла оттуда разные деликатесы, без которых Пасха не Пасха. Итен чувствовал себя как на водных лыжах – только держись, – и продолжалось это до «часа шестого».

Сердитый пожарный колокол на башне ратуши пробил начало часа шестого. Покупатели мало-помалу рассосались, унося с собой пакеты с праздничной снедью. Итен внес в лавку лотки с фруктами, запер входную дверь и без всякой на то причины, а лишь потому, что сделалась тьма по всей земле и в нем самом, спустил плотные зеленые шторы, после чего тьма сделалась и в лавке. Одни только неоновые трубки в холодильнике светили в этой тьме призрачной голубизной.

Зайдя за прилавок, он отрезал четыре толстых куска ржаного хлеба и щедро намазал их маслом. Потом двинул вбок стеклянную дверцу холодильника и взял с одного блюда два ломтика плавленого швейцарского сыра, а с другого – три куска ветчины.

– Сыр и салат, – сказал он. – Сыр и салат. Лезьте на дерево, кому дом маловат. – На верхние куски хлеба густым слоем положен майонез, они придавлены к нижним, выпирающие кромки ветчинного сала и зеленых салатных листьев подровнены. Теперь взять картонку молока и пергаментной бумаги на обертку. Он аккуратно подгибал пергамент с краев, когда во входной двери звякнул ключ и в магазине появился Марулло – широкий в плечах, как медведь, и такой тучный, что руки у него казались непропорционально короткими и не прилегали к бокам. Шляпа у Марулло сидела на самом затылке, а из-под нее торчала жесткая бахрома серо-стальных волос, точно он носил под шляпой еще какую-то шапочку. Глаза у него были со слезой, хитрые и сонные, но золотые коронки на передних зубах сразу блеснули в свете неоновых трубок. Две верхние пуговицы на брюках были расстегнуты, так что виднелись теплые серые кальсоны. Марулло стоял, запустив толстые культипки больших пальцев за брючный пояс, приходившийся как раз под животом, и щурился, привыкая к полутьме.

– С добрым утром, мистер Марулло. Хотя сейчас уже день.

– Здравствуй, мальчуган. Ты поспешил закрыться.

– Весь город закрылся. Я думал, вы слушаете мессу.

- Нет сегодня мессы. Единственный день в году, когда мессы не бывает.

- Вот как? Не знал. Чем могу служить? Короткие толстые руки вытянулись вперед и несколько раз подряд согнулись в локтях.

- Болят, мальчуган. Артрит... Все хуже и хуже.

- Ничего не помогает?

- Все перепробовал - грелки, акулий жир, пилюли... болит и болит. Тихо, спокойно, дверь на замке. Может, поговорим? А, мальчуган? - Зубы у него снова сверкнули.

- Случилось что-нибудь?

- Случилось? Что случилось?

- Ладно, подождите минуту. Я схожу в банк. Отнесу сэндвичи мистеру Морфи.

- Правильно, мальчуган. Сервис - хорошее дело. Умница.

Итен вышел через кладовую в переулок и постучал в боковую дверь банка. Джой принял от него молоко и сэндвичи.

- Спасибо. Напрасно беспокоились. Я бы сам.

- Это сервис. Так Марулло сказал.

- Поставьте на холод две бутылки кока-колы, идет? У меня от цифр во рту пересохло.

Вернувшись, Итен застал Марулло склонившимся над мусорным баком.

- Где вам угодно говорить со мной, мистер Марулло?

– Начнем здесь, мальчуган. – Он вытащил из мусорного бака листья цветной капусты. – Слишком много срезаешь.

– Так аккуратнее.

– Цветная капуста продается на вес. Швыряешь деньги в мусорный ящик. Я знаю одного умного грека – у него, может, двадцать ресторанов. Так вот, он говорит: «Весь секрет в том, чтобы почаще заглядывать в мусорный ящик. Что выброшено, то не продано». Умный грек, хитрый.

– Да, мистер Марулло. – Еле сдерживая нетерпение, Итен вошел в лавку. Марулло следовал за ним по пятам, сгибая и разгибая руки в локтях.

– Овощи спрыскиваешь, как я велел?

– Спрыскиваю.

Хозяин взял с прилавка пучок сельдерея.

– Суховат.

– Слушайте, Марулло! Какого черта? Замачивать их, что ли? И без того на треть воды.

– Если спрыскивать, они не вялые, а свеженькие. Думаешь, я ничего не знаю? Я с тележки начал – с одной тележки. И все знаю. Учись ловчить, мальчуган, не то прогоришь. Теперь мясо – слишком дорого платишь оптовикам.

– Мы же рекламируем, что говядина у нас высший сорт А.

– А, Б, В – поди разбери. На ценнике написано, и дело с концом. А вот теперь о самом важном. Должники нас душат. Кто не уплатит к пятнадцатому – кредит закроешь.

– Нет, так нельзя. Ведь некоторые лет по двадцать сюда ходят.

– Слушай, мальчуган. Магазины Вулворта самому Джону Д. Рокфеллеру не отпустят в долг даже на пять центов.

– Да, но это надежные люди, почти все надежные.

– Что значит «надежные»? Если не уплатили, значит, деньги не пущены в оборот. Вулворт закупает целыми грузовиками. А мы так не можем. Надо учиться, мальчуган. Верно, хорошие люди. Но деньги тоже хорошая вещь. В баке слишком много обрезков.

– Это сало и кожа.

– Если сначала отвесить, а потом счистить, тогда можно. О себе не мешает подумать. Сам о себе не подумаешь – кто будет о тебе думать? Учиться надо, мальчуган. – Золотые коронки уже не поблескивали, потому что губы над ними были плотно сжаты, как маленькие ловушки.

Злоба всколыхнулась в Итене так внезапно, что он сам себе удивился.

– Я не мошенник, Марулло.

– А где тут мошенники? Это правильная торговля, а если торговать, так только правильно, не то прогоришь. Ты что думаешь, мистер Бейкер, когда платит по чекам, что-нибудь в придачу дает?

Итена взорвало, как перегретый котел.

– Теперь слушайте, что я вам скажу! – крикнул он. – Хоули живут здесь с середины восемнадцатого века. Вы иностранец. Для вас это пустой звук. Мы всегда ладили с соседями, всегда были порядочными людьми. Вы приехали сюда из Сицилии и воображаете, что вам удастся повернуть здесь все на свой лад? Нет, ошибаетесь! Прикажете освободить место? Пожалуйста! Хоть сейчас, хоть сию минуту. И не смейте называть меня мальчуганом, не то получите по физиономии.

Теперь у Марулло засверкали все зубы.

- Ну, будет, будет. Вот взбесился. Я же добра тебе хочу.

- Не смейте называть меня мальчуганом. Наша семья живет здесь двести лет. - Эти слова ему самому показались ребячливыми, и его злость мгновенно выдохлась.

- Я не очень правильно говорю по-английски. Ты думаешь, Марулло просто итальяшка, макаронщик, шарманщик. Мои genitori[З - Предки (ит.)], мое имя, может быть, насчитывает две тысячи, три тысячи лет. Мы, Марулло, родом из Рима, о нас сказано у Валериуса Максимуса. Двести лет? Подумаешь!

- Вы нездешний.

- Двести лет назад твои тоже были нездешние.

И вдруг Итен, окончательно остыв, увидел нечто такое, что может заставить человека усомниться в постоянстве данностей внешнего мира. Он увидел, как иммигрант, итальяшка, разносчик фруктов вдруг преобразился точно по волшебству; увидел купол его лба, сухой крючковатый нос, свирепые и бесстрашные глаза в глубоких глазницах, голову, покоящуюся на мускулистой колонне шеи, увидел в нем гордость, такую глубинную и непоколебимую, что ей ничего не стоило играть в смирение. Это было поистине открытие - из тех, что сражают человека и будят в нем мысль: если я вижу это впервые, то сколько же всего прошло в жизни мимо меня!

- Бросьте вы эти разговоры, - тихо сказал он.

- Правильная торговля. Я учу тебя торговать. Мне шестьдесят восемь лет. Жена умерла. Артрит! Очень больно. Хочу научить тебя, как торгуют. Может, ты не научишься? Многие так и не могут научиться. И терпят крах.

- Незачем тыкать мне в нос моим собственным крахом.

- Нет. Ты не понял. Я хочу научить тебя, как правильно торговать, чтобы краха больше не было.

- И вряд ли будет. Своей торговли у меня нет.

- Ты еще мальчуган.

Итен сказал:

- Слушайте, Марулло. Если уж на то пошло, так я веду за вас все дело. На мне бухгалтерия, заказы, я вношу выручку в банк. Стараюсь сохранить клиентуру. От меня к другим не уходят. Разве правильная торговля заключается не в этом?

- Да, да! Кое-чему ты все-таки научился. Ты больше не мальчуган. Бесишься, когда я называю тебя мальчуганом. Как же мне тебя называть? Я всех так называю.

- Попробуйте по имени.

- По имени - не чувствуешь дружбы. Мальчуган - по-дружески.

- Несolidно.

- Где солидно, там нет дружбы. Итен рассмеялся.

- Когда работаешь продавцом в лавке у макаронщика, надо соблюдать солидность - ради жены, ради детей. Согласны?

- Показное.

- Конечно, показное. Будь во мне хоть капля истинной солидности, я бы ни о чем таком не думал. Не мешало бы вспомнить, что говорил мой отец незадолго до смерти. Он говорил, что уязвимость находится в зависимости от интеллекта, от чувства уверенности в себе. Слова «сукин сын», говорил он, могут уязвить только того, кто не уверен в своей матери. А, скажем, Альберт Эйнштейн, - он был еще жив тогда, - чем и как его уязвишь? Так что, пожалуйста, можете называть меня мальчуганом, если желаете.

- Мальчуган. Сам видишь, это по-дружески.

- Ну ладно. Что вы там хотели мне сказать насчет торговли? Чего я такого не умею?

- Торговля – это деньги. Деньги и дружба – совсем разное. Слушай, мальчуган. Может, ты слишком по-дружески, слишком приветливый?

Деньги и приветливость – это совсем разное. Деньгам нужна не дружба, а еще и еще деньги.

- Вздор, Марулло. Мало ли я знаю дельцов, которые и приветливы, и дружелюбны, и вообще достойные люди.

- Когда дело в стороне – да. Ты, мальчуган, сам узнаешь. А когда узнаешь, будет поздно. Сейчас ты справляешься, в лавке все хорошо, но, если она будет твоя, ты по дружбе и прогоришь. Я тебя учу, как в школе. Прощай, мальчуган. – Марулло согнул руки в локтях и, быстро выйдя из лавки, хлопнул дверью, и тогда Итен почувствовал всю тяжесть тьмы, сделавшейся по всей земле.

В дверь резко постучали чем-то металлическим. Итен отдернул штору и сказал:

- Перерыв до трех.

- Впустите меня. Я к вам по делу. Незнакомец вошел в лавку – сухопарый, с виду вечно молодой человек, который никогда молодым не был; щеголеватый костюм, матово поблескивающие, гладко прилизанные волосы, взгляд веселый, беспокойный.

- Извините за вторжение. Но мне скоро уезжать. Хотел поговорить с вами наедине. Думал, старик никогда не уйдет.

- Марулло?

- Да. Я следил с улицы.

Итен взглянул на его белые руки. На среднем пальце левой он увидел крупный кошачий глаз в золотой оправе. Незнакомец перехватил его взгляд.

- Не налетчик, – сказал он. – Я познакомился вчера с одним человеком, который хорошо вас знает.

- Да?

- Миссис Янг-Хант. Марджи Янг-Хант.

- А-а!

Итен чувствовал, как этот человек будто принохивается к нему, второпях ищет ход, точку соприкосновения, чтобы завязать какой-то узелок.

- Славная бабенка. Расхвалила мне вас – дальше некуда. Вот я и подумал... Моя фамилия Биггерс. Ваш город в моем участке. Я от «Б.Б.Д. и Д.».

- Мы покупаем у Вэйландса.

- Знаю, знаю. Поэтому я и зашел к вам. Думал, может, вы захотите несколько расширить свои связи. Мы в вашем городе новички. Но осваиваем его быстро. Приходится делать кое-какие поблажки, чтобы зацепиться. Вам тоже было бы небезынтересно.

- Поговорите с Марулло. Он всегда вел дела только с Вэйландсом.

Голос не стал тише, но в нем появились вкрадчивые нотки.

- Заказы – это ваша обязанность?

- Да, моя. Марулло страдает артритом, а кроме того, у него много других дел.

- Мы могли бы чуточку скостить цены.

- По-моему, Марулло и так скостили сколько можно. Да вы сами с ним поговорите.

- Как раз этого я и не хочу. Мне нужен тот, кто делает заказы, то есть вы.

- Я простой продавец.

– Но заказы делаете вы, мистер Хоули. А что, если вам удастся выгадать пять процентов? Я могу это устроить.

– Марулло вряд ли откажется от такой скидки, если она не отразится на качестве товара.

– Нет, вы меня не поняли. Марулло тут ни при чем. Эти пять процентов будут наличными – никаких чеков, никакой отчетности, никаких неприятностей из-за налогов. Самые что ни на есть свеженькие зеленые листики перейдут из моей руки в вашу, а из вашей руки к вам в карман.

– Почему же Марулло не может получить у вас скидку?

– Соглашение об оптовых ценах.

– Так. Ну а предположим, я соглашусь на эти пять процентов и буду отдавать их Марулло?

– Мало же вы их знаете, этих лавочников, а я знаю вдоль и поперек. Пять процентов он от вас примет и будет думать: а сколько вы прикарманили? И вполне естественно.

Итен понизил голос:

– Вы предлагаете мне надувать человека, у которого я работаю?

– Где же тут надувательство? Он ничего не теряет, а вы немножко подрабатываете. Подрабатывать каждый имеет право, Марджи мне говорила, что вы малый не промах.

– Тьма какая! – сказал Итен.

– Да нет. Просто у вас шторы спущены. – Принюхиванье донесло сигнал опасности – так суетится мышь, чуя запах проволоки в мышеловке и аромат сыра. – Знаете что, – сказал Биггерс, – вы подумайте на досуге. Может, и подбросите нам кое-какие заказы. А я в следующий свой приезд к вам загляну. Я каждые две недели сюда езжу. Вот моя карточка.

Рука Итена не протянулась. Биггерс положил карточку на холодильник.

– А вот это скромный сувенир, который мы дарим вашим новым друзьям. – Он вынул из бокового кармана бумажник – дорогой, красивый, мягкой кожи. Бумажник лег на белую эмаль рядом с карточкой. – Недурная вещица. С отделениями для водительских прав и для клубной карточки.

Итен молчал.

– Так я загляну недели через две, – сказал Биггерс. – Подумайте. А мне здесь непременно надо быть. Свидание с Марджи. Хороша бабенка. – И не дождавшись ответа: – Не провожайте меня. До скорого. – Потом вдруг подступил к Итену вплотную. – Не валяйте дурака. Все так делают, – сказал он. – Все! – И вышел быстрыми шагами, бесшумно притворив за собой дверь.

В темной тишине Итену была слышна глухая воркотня трансформатора для неоновых трубок в холодильнике. Он медленно повернулся к своей тесно сидящей, многоярусной аудитории.

– Я считал вас друзьями! А вы хоть бы пальцем шевельнули в мою защиту. Вероломные устрицы, вероломные пикули, вероломная мука для оладий. Не слышать вам больше про одинокума. Интересно, что сказал бы Франциск Ассизский, если бы его укусила собака или птичка накакала бы ему на макушку? Поблагодарил бы: «Спасибо, уважаемый пес, grazie tanto[4 - Большое спасибо (ит).], синьора птичка»? – Он повернул голову, услышав стук, грохот, барабанную дробь в дверь с переулка, и быстро прошел через кладовую, ворча на ходу: – Отбоя нет. Когда открыто, и то спокойнее.

Ввалился Джой Морфи, держа руку у горла.

– Ради господ бога! – простонал он. – На помощь!.. Или дайте хотя бы пепси-колы, ибо – ох! – весь пересох. Почему здесь такая темнотища? Или очи мои поразила слепота?

– Шторы спущены. Чтобы жаждущим банкирам было неповадно сюда бегать.

Итен подошел к холодильнику, достал оттуда заиндевевшую бутылку, сорвал с нее колпачок и полез за второй.

– Я, пожалуй, тоже выпью.

Джой-бой прислонился к освещенному стеклу и отпил сразу полбутылки.

– Эх! – сказал он. – Кто-то забыл свою казну. – И взял бумажник с прилавка.

– Это скромный подарочек от коммивояжера «Б.Б.Д. и Д.». Старался перехватить кое-что из наших заказов.

– Видно, есть из-за чего стараться. Он вас не орешками угостил. Эта вещь не из дешевеньких. Даже с вашей монограммой – золотом.

– Вот как?

– Вы разве не видели?

– Да он только что ушел.

Джой просунул пальцы между кожаными боками бумажника и стал перебирать прозрачные целлофановые отделения для документов.

– Скорей вступайте в какой-нибудь клуб, – сказал он. Потом открыл задний кармашек. – Вот это называется чуткий подход. – Он извлек оттуда зажатую между указательным и средним пальцами двадцатидолларовую бумажку. – Я чувствовал, что «Б.Б.Д. и Д.» ведут осаду нашего города, но чтобы сразу двинуть танки!.. Да! Такой сувенирчик не забудешь.

– Это в самом деле там лежало?

– Что же, я, что ли, подсунул?

– Джой, слушайте! Этот тип обещает мне пять процентов от каждого заказа, переданного их фирме.

- Шика-арно! Вот и разбогатеете, и давно пора! Если обещает, значит, сделает. Выставляйте кока-колу. Ради такого дня!

- Неужели вы считаете, что я должен пойти на...

- А что тут плохого? Ведь цены не повысятся? И кто от этого теряет?

- Он не велел говорить Марулло, не то Марулло подумает, будто я получаю больше.

- Ну, само собой. Хоули, да что с вами? Совсем рехнулись? Это, наверно, освещение такое. Физиономия у вас какая-то зеленая. А я тоже позеленел? Уж не собираетесь ли вы отказываться?

- Я еле удержался, чтобы не дать ему пинка в зад.

- Ну кто еще на такое способен? Только вы да динозавры.

- Он сказал, все так делают.

- Нет, не все. Потому что не всем удастся. Считайте, что вам здорово повезло.

- Это нечестно.

- Почему? Кому это во вред? Что тут противозаконного?

- Значит, вы бы согласились?

- Согласился? Да я стал бы на задние лапки, только дайте! В нашем деле все лазейки закрыты. В сущности говоря, если ты простой банковский служащий, а не директор, так для тебя любое ухищрение противозаконно. А вас я решительно не понимаю. Что вы тут мудрите? Если бы вы обирали вашего Альфио, я бы сказал, что это не совсем порядочно. Но ведь дело обстоит не так. Вы оказываете им любезность, они оказывают вам. А их любезность эдакая хрустящая, зелененькая. Не будьте идиотом. У вас жена, дети - надо и о них подумать. Воспитание детей что-то не дешевет, и не предвидится, чтобы подешевело.

- Пожалуйста, уйдите отсюда.

Джой Морфи со стуком опустил на прилавок недопитую бутылку.

- Мистер Хоули... Нет!.. Мистер Итен Аллеи Хоули, - ледяным тоном сказал он. - Если вы думаете, что я способен совершить бесчестный поступок или вас на это подтолкнуть, подите вы знаете куда!

Джой с величественным видом зашагал к дверям кладовой.

- Да нет, я не то хотел сказать. Совсем не то. Джой! Честное слово! Просто у меня сегодня и без того тяжелый день, то одно, то другое. И потом - этот ужасный праздник. Ужасный праздник!

Морфи остановился.

- То есть как? А, да! Понимаю. Я все понимаю. Вы верите мне?

- И так каждый год, с раннего детства... только год от году мне все тяжелее, потому... наверно, потому, что понятнее. Я слышу эти слова, и в них звучит такое одиночество: «Lama sabach thani»[5 - Господи, зачем ты меня оставил! (древнееврейск.)].

- Знаю, Итен, знаю. Но теперь уже скоро, уже недолго осталось, Итен. Забудьте мою вспышку, ладно?

И железный пожарный колокол ударил на башне ратуши - один-единственный раз.

- Кончилось, - сказал Джой-бой. - Теперь все, до следующего года. - Он тихонько вышел в переулок, без стука притворив за собой дверь.

Итен поднял шторы и снова открыл лавку, но торговля в эти часы шла вяло - несколько картонок молока и кирпичиков хлеба ребятишкам, маленькая баранья отбивная и банка зеленого горошка мисс Борчер к ужину. Люди просто не показывались на улице. За последние полчаса, пока Итен прибирал перед

закрытием, к нему никто даже не заглянул. И он запер лавку и уже вышел на улицу, как вдруг вспомнил, что ничего не взял для дома. Пришлось вернуться, набрать две бумажные сумки всяких продуктов и снова все запереть. Ему хотелось спуститься к набережной, поглядеть, как серые волны колышутся там среди свай пристани, вдохнуть запах морской воды, поговорить с чайкой, которая – клюв по ветру – стояла на буйке. Он вспомнил стихотворение одной поэтессы, когда-то давным-давно пришедшей в экстаз при виде скользящей спирали чайкиного полета. Стихотворение начиналось так: «В тоске иль в счастье крылами веешь, стихии дочь?» Вопросы этого поэтессы так и не выяснила, да, вероятно, и не стремилась выяснить.

С двумя тяжелыми сумками в руках, полными праздничных закупок, было не до прогулки. Итен усталыми шагами прошел по Главной улице и свернул на свою Вязовую к старинному дому семьи Хоули.

Глава 2

Мэри отошла от плиты и взяла у него одну сумку.

– Мне столько всего нужно тебе рассказать. Просто не терпится.

Он поцеловал ее, и она почувствовала, какие у него сухие губы.

– Что с тобой? – спросила она.

– Устал немножко.

– Но у тебя же было три часа перерыва.

– Мало ли там дел.

– Надеюсь, ты не в миноре?

– Такой уж день – минорный.

- Нет, день сегодня замечательный. Подожди, ты еще ничего не знаешь...

- Где ребята?

- Наверху, слушают радио. У них тоже есть новости.

- Что-нибудь неприятное?

- Ну почему ты так говоришь!

- Сам не знаю.

- Ты плохо себя чувствуешь?

- Да нет! Вот пристала!

- Такие радостные новости – нет, подожду до после обеда. Ну, ты у меня и удивишься!

Аллен и Мэри-Эллен кубарем скатились вниз по лестнице в кухню.

- Пришел! – сказали они.

- Папа, у тебя в магазине есть «Пике»?

- Корнфлекс? Конечно, есть, Аллен.

- Принесешь нам несколько коробок, а? Это те самые, где надо вырезать маску Микки-Мауса.

- Не великоват ли ты для Микки-Мауса? Эллен сказала:

- Крышку с коробки срезают, потом надо приложить десять центов, и они пришлют такую штуку для чревовещания и как ею пользоваться. Только что передавали по радио.

Мэри сказала:

- Расскажите папе, что вы собираетесь делать.

- Мы хотим участвовать во всеамериканском конкурсе на сочинение «Я люблю Америку». Первая премия – поездка в Вашингтон, встреча с президентом, и родители тоже. И вагон всяких других премий.

- Прекрасно! – сказал Итен. – Но о чем речь? Что от вас требуется?

- Это херстовские газеты! – крикнула Элен. – Объявили по всей стране. Надо написать сочинение на тему «За что я люблю Америку». Кто получит премии, тех будут показывать по телевизору.

- Блеск! – крикнул Аллен. – Скажешь, плохо? Поездка в Вашингтон, гостиница, театры, к президенту и мало ли чего еще! Скажешь, не блеск?

- Скажу: а школа?

- Это летом. Премии объявят четвертого июля, в День независимости.

- Ну что ж, тогда пожалуйста. А на самом деле что вы любите – Америку или премии?

- Слушай, отец, – сказала Мэри. – Не порть им удовольствия.

- Я просто хочу отделить корнфлекс от Микки-Мауса. А они все валят в одну кучу.

- Папа, а где это можно взять?

- Что где взять?

- Ну, вроде кто чего об этом писал.

- У твоего прадеда было много хороших книг. Они на чердаке.

- Какие? Про чего там?

- Ну, например, речи Линкольна, и Дэниела Уэбстера, и Генри Клея. Можешь полистать Торо, или Уолта Уитмена, или Эмерсона. Да и Марка Твена. Они все там на чердаке.

- Папа, а ты сам их читал?

- Твой прадед был мой дед. Он читал мне вслух кое-когда.

- Ты сможешь нам писать сочинения?

- Тогда они будут не ваши.

- Ну ладно, - сказал Аллен. - Только не забудь принести «Пиксов». В них ведь железо и много всего полезного.

- Постараюсь не забыть.

- Можно, мы пойдем в кино? Мэри сказала:

- Вы же собирались красить пасхальные яйца. Они уже варятся. После обеда можете заняться этим на южной террасе.

- А можно, мы пойдем на чердак посмотрим книги?

- Если не забудете погасить электричество. Однажды там целую неделю горел свет. Это ты не выключил, Итен.

Когда дети убежали, Мэри сказала:

- Ты рад, что они будут участвовать в конкурсе?

- Конечно, рад, пусть только займутся этим как следует.

– Мне просто не терпится рассказать тебе. Марджи сегодня гадала на меня. Три раза подряд, потому что у нее никогда в жизни так не было. Три раза! Я сама видела, какая шла карта!

– О господи!

– Сначала послушай, а потом будешь говорить. Вот ты вечно подшучиваешь насчет высоких брюнетов, а знаешь, что она мне нагадала? Никогда не догадаешься! Ну попробуй!

Он сказал:

– Мэри, я тебя предупреждаю...

– Предупреждаешь? Да если бы ты знал! Мое богатство – это ты.

Он буркнул себе под нос короткое злое слово.

– Что ты сказал?

– Я сказал: невелико богатство.

– Это ты так думаешь, а карты думают совсем по-другому. Она три раза подряд раскладывала.

– Карты думают?

– Карты все знают, – сказала Мэри. – Она на меня гадала, а выходило все про тебя. Ты будешь одним из самых важных людей в городе. Слышишь, что я говорю? Одним из самых важных. И это скоро сбудется. Совсем скоро. Какую карту она ни выкладывала, все деньги и деньги. Ты разбогатеешь.

– Мэри, дорогая, – сказал он. – Прошу тебя, остерегись!

– Ты выгодно поместишь деньги.

- Какие деньги?

- Деньги моего брата. Какие же еще!

- Нет! - крикнул он. - Я этих денег не трону. Они твои и так и останутся твоими. Ты сама это придумала или...

- Она ни словом о них не обмолвилась. И карты тоже ничего такого не говорили. В июле ты выгодно поместишь деньги, и с этого все и начнется - одна удача за другой, одна за другой. И как это хорошо получилось! Она так и сказала: «Ваше богатство - это Итен. Он будет очень богатый человек, может быть, самый важный во всем городе».

- Чтоб ей пусто было! Какое она имеет право?

- Итен!

- Отдает она себе отчет в том, что делает? А ты отдаешь себе отчет?

- Я хорошая жена, а она мой хороший друг - вот в чем я отдаю себе отчет. И мне не хочется затевать с тобой ссору, когда нас слышат дети. Марджи самая моя близкая подруга. Я чувствую, она тебе неприятна. Значит, ты ревнуешь меня к моим друзьям - вот и все. Я весь день радовалась - так нет, надо все испортить! Это очень нехорошо с твоей стороны. - От разочарования и досады лицо у Мэри пошло пятнами, ей хотелось отомстить за эту помеху ее снам наяву. - Скажите, какой умник нашелся! Сидит здесь и разносит людей на все корки. Ты воображаешь, что Марджи это подстроила? Вот и нет, потому что я все три раза сама снимала. Но если б даже она подстроила, так зачем? По-моему, только из добрых чувств к нам, по дружбе и желанию хоть как-то помочь. А по-твоему, умник? Ну, придумай какую-нибудь гадость, придумай!

- Придумал бы, если бы мог, - сказал он. - Вернее всего, она просто интриганка. Ничем не занята, мужа нет. Вот и взялась плести интриги.

Мэри понизила голос и заговорила презрительным тоном:

– Много ты смыслишь в интригах! Столкнешься с настоящей интригой вплотную – и то ничего не поймешь. Знал бы ты, что бедной Марджи приходится терпеть! У нас в городе есть мужчины, которые буквально не дают ей проходу. Известные люди, женатые, а навязываются, пристают. Отвратительно! Марджи иной раз просто не знает, куда от них деваться. Поэтому она так и нуждается во мне, вообще в женской дружбе. Чего только я от нее не наслушалась! Кто! Какие люди! Ты в жизни бы не поверил. Некоторые даже притворяются в обществе, будто она им не нравится, а сами тайком бегают к ней или звонят по телефону, пытаются назначить свидание. Противные ханжи! На словах за высокую нравственность, а на деле... А ты говоришь – интриганка.

– Она называла тебе какие-нибудь имена?

– Нет, не называла, и это тоже в ее пользу. Марджи никому не хочет вредить, хотя сама ото всех терпит. Она только говорила, что про одного человека я бы в жизни не поверила. «Да вы, – говорит, – поседете, если вам сказать».

Итен набрал полную грудь воздуха, задержал его и шумно перевел дух.

– Интересно, кто бы это мог быть? – сказала Мэри. – Она прямо-таки намекала, что это кто-то из наших знакомых, но мы бы про него никогда не поверили.

– И при соответствующих обстоятельствах от намеков перешла бы к фактам? – тихо сказал Итен.

– Только если бы ее вынудили. Она сама так говорит. Только если бы пришлось в защиту... э-э... ее чести и доброго имени... Как ты думаешь, кто это?

– По-моему, я знаю.

– Знаешь? Ну кто?

– Я.

Мэри разинула рот.

- Фу! Дурак! - сказала она. - Вечно ты меня на чем-нибудь подлавливаешь. Стоит мне зазеваться - и конец. Но лучше так, чем когда ты в миноре.

- Сенсация! Муж признается жене в преступной связи с ее лучшей подругой. Она поднимает его на смех.

- Нехорошо так говорить.

- Муж, вероятно, должен был бы от всего отпереться. Тогда по крайней мере жена удостоила бы его своими подозрениями. Родная моя, клянусь тебе всеми святыми: я ни словом, ни делом не повинен в заигрывании с Марджи Янг-Хант. Ну, теперь ты поверишь, что я тебе изменяю?

- Ты?

- Значит, по-твоему, я недостаточно хорош, недостаточно привлекателен? Другими словами - кишка тонка?

- Ты прекрасно знаешь, что я не прочь пошутить, но это совершенно неподходящая тема для шуток. Ах, господи, вдруг дети там начнут лазить по сундукам! Разбросают и не подумают убрать.

- Я сделаю еще одну попытку, моя прелестная жена. Некая женщина, ее инициалы М. Я.-Х., со всех сторон обставила меня ловушками по причинам, кроме нее, никому не известным. Мне грозит серьезная опасность попасть в одну из них, а может, не только одну.

- Почему ты не подумаешь о будущем? Карты сказали - в июле, и так вышло три раза подряд.

Я сама видела. У тебя будут деньги, большие деньги. Подумай об этом.

- Неужели ты так любишь деньги, зайчонок?

- Люблю ли я деньги? Как это понимать?

- Неужели тебе так уж нужны деньги, что ради них можно заниматься черной магией, шаманством, колдовством и прочими темными делишками?

- Ну, пеняй на себя! Ты первый начал! Я не позволю тебе прятаться за этими словесами. Люблю ли я деньги? Нет, деньги я не люблю. Но вечные заботы я тоже не люблю. Мне хочется высоко держать голову в нашем городе. Мне не хочется, чтобы мои дети чувствовали себя хуже других, потому что они не могут одеваться, как... ну, как некоторые. Мне хочется высоко держать голову.

- И деньги послужат опорой для твоей головы?

- Они сотрут презрительные усмешки с физиономий твоих спесивых друзей.

- Над Хоули никто не насмехается.

- Это только ты так думаешь. Ты просто ничего такого не видишь.

- Может быть, я просто ничего такого не жду, потому и не вижу.

- Ты что же, хочешь убить меня своими распрекрасными Хоули?

- Нет, родная. Теперь такое оружие несколько устарело.

- Слава богу, что хоть это ты усвоил. В нашем городе, да и не только в нашем, простой продавец из рода Хоули – это всего-навсего простой продавец.

- Ты попрекаешь меня моими неудачами?

- Нет. Конечно, нет. Но я попрекаю тебя тем, что ты погряз в своих неудачах. Ведь если бы не твои старомодные, выпренные понятия, ты давно бы выкарабкался на поверхность. Над тобой все потешаются. Благородный джентльмен без денег все равно что босяк. – Это слово будто вырвалось у нее само собой, и она пристыженно замолчала.

- Что ж поделаешь, – сказал Итен. – Но ты преподала мне урок, кроличий мой хвостик. И даже не один, а целых три. Есть, как видно, три вещи, которым никто не верит. Не верят в правду, не верят в то, что вполне возможно, и в то, что

вполне логично. Теперь я знаю, где достать деньги, те самые, что повернут мою судьбу.

- Где?

- Ограблю банк.

На плите начал отрывисто позванивать колокольчик регулятора. Мэри сказала:

- Пойди позови детей. У меня все готово. И вели им потушить там свет.

Она прислушалась к его удаляющимся шагам.

Глава 3

Моя жена, моя Мэри засыпает сразу, как будто за ней захлопнулась дверь. Я часто смотрю на нее с завистью. С минуту она возится под одеялом, словно прилаживаясь к кокону, обвившему ее грациозное тело. Потом глубоко вздыхает, и к концу вздоха глаза у нее уже закрыты, а на губах безмятежная и загадочная улыбка греческого божества. Так она и спит всю ночь, улыбаясь, и во сне мурлычет, не похрапывает, а именно мурлычет, как котенок. Вдруг ее бросает в жар, так что я даже ощущаю это, лежа рядом, но в следующее мгновение все прошло и она уже где-то далеко-далеко. Я не знаю где. Она уверяет, что никогда не видит снов. Этого не может быть, конечно. Просто сны не тревожат ее или тревожат так сильно, что она забывает их до того, как проснется. Она любит спать, и сон ей дается без усилий. Не то что я. Я всегда борюсь со сном, как бы отчаянно ни хотелось мне уснуть.

Я думаю, дело тут вот в чем: моя Мэри убеждена, что будет жить вечно, что ступит из этой жизни в другую так же легко и просто, как сейчас переходит от ночи к дню. Она верит в это подобно тому, как дышит, - естественно, не размышляя. И потому ей некуда спешить, можно и спать, и отдыхать, и вовсе выключиться на время из существования.

А я весь, до мозга костей, пропитан сознанием, что рано или поздно моей жизни придет конец, а потому я гоню от себя сон, хотя в то же время жажду его, пускаюсь даже на всякие уловки, чтобы уснуть. И засыпаю я всегда с болью, с мучением. Я знаю это, потому что мне случалось просыпаться через секунду, еще чувствуя себя оглушенным, как от удара. И даже во сне я не знаю покоя. Меня одолевают все те же дневные заботы, только в искаженной форме – точно хоровод ряженных, в звериных масках и с рогами.

Я трачу на сон гораздо меньше времени, чем Мэри. Она говорит, что у нее потребность много спать, и я соглашаюсь, что у меня такой потребности нет, хотя на самом деле я в этом далеко не уверен. В каждом организме заложен известный запас жизненной энергии – конечно, пополняемый за счет пищи. Есть люди, которые свой запас расходуют быстро, вроде того как иной ребенок спешит разгрызть и проглотить леденец, а другие делают это не торопясь. И всегда находится какая-нибудь девчушка, которая еще только разворачивает леденец, когда торопыги о нем и думать забыли. Моя Мэри, вероятно, будет жить гораздо дольше меня. Она приберегает часть своей энергии на потом. Факт, что женщины живут дольше мужчин.

Мне всегда не по себе в Страстную пятницу. Еще в детские годы у меня сжималось сердце, когда я думал – не о крестных муках, нет, но о нестерпимом одиночестве Распятого. И до сих пор я не освободился от тоски, которую поселяли во мне слова Матфея, сухо отщелкиваемые голосом моей тетушки Деборы из Новой Англии.

Нынешний год тоска особенно сильна. Невольно ведь переносишь все на себя, и кажется, это о тебе идет речь. Сегодня Марулло раскрыл передо мной тайны бизнеса, и я только впервые понял многое. А вслед за тем мне впервые предложили взятку. Это даже смешно сказать, в моем-то возрасте, но я, право, не припомню другого такого случая. Потом еще Марджи Янг-Хант. Добро или зло у нее на уме? Что ей нужно от меня? Не зря ведь она посулила мне что-то и требует, чтобы я не отказывался от своей судьбы, иначе мне плохо будет. Может ли человек сам надумать свою жизнь или он должен просто жить, как живется?

Много ночей я провел не смыкая глаз, под сонное мурлыканье моей Мэри. Когда долго глядишь в темноту, перед глазами начинают расплываться красные пятна и время тянется бесконечно. Мэри так любит спать, что я всегда стараюсь оберегать ее сон, даже когда у меня словно электрический ток бежит по коже. Стоит мне спустить ноги с кровати, она тотчас же просыпается. Ее это пугает.

Она знает только одно объяснение бессонницы – болезнь, и если я не сплю, ей кажется, что я болен.

Но в эту ночь меня так и тянуло встать и выйти из дому. Мэри тихо мурлыкала, и на ее губах, как всегда, играла та архаическая улыбка. Может быть, ей снилась удача, снилось богатство, ожидавшее меня впереди. Мэри не чужда гордыни.

Странное дело, почему вдруг человек уговаривает себя, что в определенном месте ему думается лучше? У меня есть такое место. С давних времен есть, хотя, по правде сказать, я не так уж много думаю, когда бываю там, больше отдаюсь чувствам, переживаниям, воспоминаниям. Это мое тайное убежище – у каждого, верно, есть такое, только никто в этом не признается. Осторожным, крадущимся движением скорей разбудишь спящего, чем нормальным и естественным. Кроме того, я убежден, что во сне люди могут проникать в чужие мысли. Я стал внушать себе, что мне нужно в уборную, и, когда это удалось, поднялся и вышел. А из уборной я потихоньку спустился вниз, захватив с собой одежду, и в кухне оделся.

Мэри часто винит меня в том, что я болею душой за несуществующие чужие беды. Может быть, она и права, но мне вдруг представилось, как она просыпается и, не найдя меня ни в спальне, ни в кухне, ходит в испуге по всему дому. Я взял карандаш и написал на листке из книги домашних расходов: «Родная, мне не спалось, и я решил пройтись. Скоро вернусь». Листок я положил на середину стола, так чтобы он сразу бросился ей в глаза, как только она включит свет в кухне.

Потом я отворил кухонную дверь и потянул носом воздух. Было холодно, пахло морозным инеем. Я поднял воротник пальто и надвинул на уши вязаную матросскую шапку. Электрические часы в кухне жужжали. Они показывали без четверти три. Значит, почти четыре часа я лежал и смотрел, как расплываются в темноте красные пятна.

Наш Нью-Бэйтаун – красивый город, старый город, один из первых в Америке, заслуживших название города. Его основатели, в том числе мои предки, были, наверно, сыновьями тех буйных, шальных, вероломных стяжателей-моряков, что при Елизавете смущали покой Европы, при Кромвеле хозяйничали в Вест-Индии и наконец, заручившись грамотами вернувшегося на престол Карла Стюарта, свили гнездо на северном побережье. Они с успехом сочетали в себе пиратов и пуритан, которые, если разобраться поглубже, не так уж сильно отличались

друг от друга. И те и другие были нетерпимы к противникам, и те и другие зарились на чужое добро. Их союз породил выносливое, крепкое обезьянье племя. Обо всем этом я знаю из рассказов отца. Он был большой любитель семейной истории, а я замечал, что любители семейной истории редко обладают качествами предков, которыми они гордятся. Мой отец был добрый, мягкий человек, весьма начитанный и весьма непрактичный, простак с редкими проблесками мудрости. В одиночку он ухитрился растерять почти все, что за несколько столетий накопили Хоули и Аллены: землю, деньги, положение, перспективы, – все, за исключением имени; впрочем, только именем он и дорожил. Отец любил просвещать меня насчет того, что он называл «наследием поколений». Поэтому мне так много известно о наших предках. И поэтому же, должно быть, я теперь служу продавцом в лавке бакалейщика-сицилийца, в квартале, который некогда весь принадлежал семейству Хоули. Я хотел бы не принимать этого к сердцу, но не могу. Не кризис, не тяжелые времена сокрушили нас.

Все это не пришло бы мне сейчас в голову, не скажи я, что Нью-Бэйтаун красивый город. Я пошел по Вязовой не налево, а направо и очень скоро очутился на улице Порлок, которая тянется почти параллельно Главной. Крошка Вилли, наш толстый констебль, наверняка дремлет сейчас в полицейской машине где-нибудь посреди Главной улицы, а у меня нет ни малейшего желания вступать с ним в беседу. «Откуда так поздно, Ит? Уж не завели ли вы себе красотку?» Крошке Вилли скучно, и он любит поговорить с прохожим, а потом порассказать другим, о чем был разговор. Немало досадных сплетен пошло гулять по городу только из-за того, что Крошка Вилли скучает на ночном дежурстве. Констебля, который дежурит днем, зовут Стонуолл Джексон Смит. Это не прозвище. Так его нарекли при крещении – Стонуолл Джексон[6 - Твердокаменный Джексон (англ.) – прозвище Томаса Джонатана Джексона, генерала армии южан в Гражданскую войну в США.], и теперь уж его не спутаешь с каким-нибудь другим Смитом.

Не знаю почему, но если в городе двое полицейских, то они всегда полная противоположность один другому. Стони Смит, если вы его спросите, какой сегодня день, ответит вам только разве на суде под присягой. Смит – главная полицейская власть в городе, он предан делу, в курсе всех новейших методов и прошел специальную школу ФБР в Вашингтоне. На мой взгляд, это образец полицейского: высокий, молчаливый, глаза посверкивают, точно кусочки металла. Всякому, кто замышляет преступление, я бы посоветовал держаться подальше от Стони.

Все это не пришло бы мне в голову, не сверни я к Порлоку, чтобы избежать встречи с Крошкой Вилли. Порлок – улица, где стоят самые красивые дома в Нью-Бэйтауне. Дело в том, что в начале девятнадцатого столетия у нас тут было больше сотни китобойных судов. Проплавав год-два где-нибудь в Антарктиде или Южно-Китайском море, эти суда возвращались с ценнейшим грузом китового жира. А так как по дороге им случалось заходить в чужеземные гавани, то, кроме груза, они привозили заморские диковины и заморские идеи. Вот почему в домах на Порлоке так много китайских вещиц. К тому же некоторые из этих старых шкиперов-судовладельцев обладали хорошим вкусом. Денег у них было много, и, собираясь строить дом, они выписывали архитекторов из Англии. Вот почему на улице Порлок так чувствуется влияние Роберта Адама и архитектуры классицизма. Такова была тогдашняя мода в Англии. Но наряду с полуциркульными окнами, каннелюрами и дорическими колоннами в каждом доме непременно имелась «вдовья дорожка» на крыше, откуда, по идее, верные жены могли всматриваться в даль, ожидая возвращения кораблей. Иногда, возможно, так и бывало. Но Хоули, а также Филлипсы, Элгары и Бейкеры – более старые семьи. Все они как жили, так и живут на Вязовой, в домах так называемого раннего американского стиля, с островерхими крышами и обшивкой из корабельного теса. И наш дом, старый дом Хоули, тоже такой. А кругом растут исполинские вязы, которым столько же лет, сколько и домам.

На Порлоке сохранились газовые фонари, только в них теперь вставлены электрические лампочки. Летом сюда съезжаются туристы полюбоваться городской архитектурой, вдохнуть, как они выражаются, «аромат старины». А разве только старина обладает приятным ароматом?

Не помню уже, при каких обстоятельствах Хоули породнились с вермонтскими Алленами. Это произошло вскоре после революции 1776 года. При желании было бы нетрудно проверить. Среди бумаг на чердаке наверняка есть какие-нибудь свидетельства на этот счет. Когда умер мой отец, Мэри уже была по горло сыта историей семейства Хоули, и я вполне сочувственно отнесся к ее предложению снести все бумаги на чердак. Чужая семейная история не так уж занимательна. Мэри даже не уроженка Нью-Бэйтауна. Ее родные ирландского происхождения, но не католики. Последнее обстоятельство она всегда подчеркивает. Мы олстерцы, говорит она. Сюда она приехала из Бостона.

Впрочем, нет. Я привез ее из Бостона – это будет вернее. Как сейчас, а может быть, даже лучше, вижу нас обоих: пугливый, нервничающий младший лейтенант Хоули в трехдневном отпуске и милая, трогательная, розовая и

душистая девочка, вдвойне прелестная благодаря юности и войне. Как серьезные, как неумолимо серьезные мы были! Меня убьют, а она всю жизнь будет верна памяти павшего героя. Все точно так же, как еще у миллионов оливковых мундиров и пестрых ситцевых платьев. И все легко могло кончиться обычным посланием: «Милый Джон...» – и так далее. Но Мэри и в самом деле оказалась верна своему герою. Ее письма – голубые конверты, синие чернила, круглый четкий почерк – с трогательной неизменностью следовали за мной всюду; вся моя рота узнавала их издали, и все почему-то радовались за меня. Даже если бы я не собирался жениться на Мэри, ее постоянство заставило бы меня сделать это во славу вековой мечты о прекрасных и верных женщинах.

Она не изменилась и тогда, когда пришлось оторваться от родной ирландско-бостонской почвы ради старого дома Хоули на Вязовой улице. Ее ничто не могло изменить – ни постепенный упадок в моих делах, ни рождение детей, ни беспросветность нашего теперешнего существования, с тех пор как я тяну лямку продавца в бакалейной лавке. Она из тех, кто умеет терпеливо ждать, я это знаю. Но сейчас, мне кажется, и ее долготерпение стало понемножку иссякать. Никогда прежде она ничем не выдавала своих сокровенных желаний, потому что моя Мэри по натуре не способна к насмешкам или презрительным упрекам. Ни при каких житейских передрягах она не опускала головы. И если в ней иногда прорывается горечь, это оттого и странно, что непривычно. Как быстро бегут ночью мысли под скрип шагов на заиндевевшей мостовой.

Совсем не нужно прятаться от людей, если бродишь по нью-бэйтаунским улицам в предрассветный час. Только Крошка Вилли не преминул бы отпустить шуточку на этот счет, всякий же другой, повстречавшись со мной в три часа утра неподалеку от залива, решит, что я иду к своим удочкам, и тут же про меня забудет. Известно, что у рыбаков свои секреты, оберегаемые порой не менее ревниво, чем домашние рецепты, и к таким вещам все относится с полным уважением.

При свете уличных фонарей газоны и тротуары, выбеленные изморозью, искрились, словно россыпь мелких алмазов. На таком тротуаре отпечатываются следы ног, а впереди никаких следов не было видно. Я с детства испытываю своеобразное волнение перед свежим покровом снега или инея. Точно вступаешь в какой-то новый мир, и всего тебя пронизывает радость открытия, первого соприкосновения с чем-то чистым, нетронутым, неоскверненным. Всегдашние ночные бродяги кошки не любят ходить по дорогам, покрытым изморозью. Помню, я как-то на пари ступил на такую дорогу босиком, и мне

точно обожгло подошвы ног. Но сейчас, в галошах и теплых носках, я смело пятнал сверкающую целину.

Там, где Порлок пересекает Торки, сразу за велосипедным заводом, что выходит на улицу Хикс, целина была исчерчена длинными заплетающимися следами. Дэнни Тейлор, беспокойный непоседливый дух, всегда влекущийся туда, где его нет, и снова туда, где его нет. Дэнни, городской пьянчуга. В каждом городе такой есть. Дэнни Тейлор – столько голов сокрушенно покачиваются ему вслед: из хорошей семьи, из старинной семьи, последний в роду, с образованием. Кажется, у него были какие-то неприятности в Военно-морском училище? Так пора б уже выправиться. Он себя загубит пьянством, и это недопустимо, ведь Дэнни – джентльмен. Подумать только, попрошайничает ради выпивки. Счастье, что его родители этого не видят. Позор свел бы их в могилу – впрочем, они давно уже в могиле. Но так говорят в Нью-Бэйтауне.

Дэнни – мое больное место; мало того, меня за него совесть мучает. Я должен был помочь ему. Я и пытался, да разве он дастся. Дэнни мне все равно что брат родной, мы с ним вместе выросли, одних лет, рост, сила – все у нас было одинаковое. Может быть, оттого меня и мучает совесть: ведь я сторож брату моему, а уберечь его не смог. Тут уж сколько ни оправдывайся перед собой, никакие доводы не помогут, даже самые резонные. Семья Тейлор такая же старинная, как семья Хоули или Бейкер. Во всех моих воспоминаниях о детстве, о пикниках, играх, посещениях цирка, рождественских праздниках Дэнни неотделим от меня, как моя собственная правая рука. Может быть, если бы мы и дальше учились вместе, с ним бы не стряслась беда. Но я уехал в Гарвард – преуспевал в языках, постигал всю прелесть гуманитарных наук, наслаждался древним, прекрасным, неведомым, вбирал в себя книжную премудрость, которая оказалась мне вовсе ни к чему в бакалейной лавке. И всегда жалел, что на этом увлекательном, ярком пути со мной рядом нет Дэнни. Но Дэнни ждала карьера моряка. Вакансия в Военно-морском училище была задумана, исхлопотана, закреплена и обеспечена ему, еще когда мы бегали в коротких штанишках. Его отец не забывал напоминать об этом каждому вновь избранному от нас конгрессмену.

Три года отличных успехов, а потом – исключение. Говорят, это убило его родителей, во всяком случае, это почти убило самого Дэнни. Осталась лишь тень его – жалкий горемыка, полуночник-горемыка, выпрашивающий мелочь, чтобы прополоскать мозги. Так он и бродит всю ночь до рассвета по городским улицам, понурый, одинокий, едва передвигая ноги. Когда он просит у вас четвертак,

чтобы прополоскать мозги, глаза его молят о прощении, которого он у самого себя не находит. Ночует он в хибарке на заброшенной судоверфи, когда-то принадлежавшей Уилбурам. Я нагнулся, стараясь определить по следам, домой он шел или из дому. Похоже было, что он бродит где-то в городе и может в любую минуту попасться мне навстречу. Едва ли Крошка Вилли вздумает засадить его за решетку. Что толку?

Я шел не наудачу, а в определенное место. Об этом месте я думал, видел его, чувствовал его запах, еще лежа в постели. Старая гавань теперь в запустении. После того как построили городской мол и соорудили волнорез, старый рейд, защищенный острым клыком Троицына рифа, занесло илом и песком, и он совсем обмелел. И нет больше ни стапелей, ни мостков, ни пакгаузов, где династии бондарей мастерили бочки для китового жира, нет и длинных причалов, над которыми высились бушприты китобойных судов, украшенные причудливыми резными фигурами. Это были по большей части трехмачтовики с прямыми парусами, остойчивые, крепкие корабли, рассчитанные на долгие годы плавания в любую погоду. На задней мачте крепилась и контра-бизань; бом-кливер был выносной, а двойной мартин-гик служил в то же время шпринтовым гафелем.

У меня есть гравюра, изображающая Старую гавань, битком набитую кораблями, есть несколько выцветших дагеротипов, но они мне, в сущности, не нужны. Я хорошо знаю и гавань, и корабли. Мой дед все это рисовал передо мной своей тростью, сделанной из бивня нарвала, и вдавливал мне терминологию, постукивая при каждом названии по обломку сваи, уцелевшему от того, что некогда было причалом Хоули. Мой дед – неистовый старик с седой шкиперской бородкой. Я любил его до боли.

– Ну, – командовал он голосом, который с мостика был слышен без рупора. – Отвечай парусное вооружение корабля. Только отвечай так, чтобы слышно было. Терпеть не могу, когда бормочут себе под нос.

И я отвечал, стараясь гаркать как можно громче, а нарваловая трость припечатывала стуком каждый мой ответ.

– Бом-кливер, – гаркал я (стук!), – малый кливер (стук!), средний кливер, кливер (стук! стук!)

– Громче!

– Фор-трюмсель, фор-бом-брамсель, фор-брамсель, верхний брамсель, нижний брамсель! – И всякий раз: стук!

– Грот! Не бормотать!

– Грот-трюмсель! – (Стук!).

С годами он стал иногда утомляться.

– Стоп! – командовал он, прежде чем я успевал покончить с гротами. – Переходи к бизаням. Громче!

– Есть, сэр. Крюйс-трюмсель, крюйс-брамсель, крюйс-брамстаксель, бегин-рей!

– А еще?

– Контра-бизань.

– С какой оснасткой?

– Гик и гафель, сэр!

Нарваловая трость стук-стук-стук по сырому обломку свай.

Став к старости тугим на ухо, он сердился и всех обвинял, что они бормочут себе под нос.

– Если знаешь, что говоришь, или хотя бы думаешь, что знаешь, говори громче! – кричал он.

Но если слух изменил под конец жизни Старому шкиперу, то о его памяти этого никак нельзя было сказать. Он мог без запинки назвать вам тоннаж и скорость любого судна, когда-либо выходившего из нью-бэйтаунской гавани, мог сказать, с каким оно вернулось грузом и как этот груз был поделен, и это тем

удивительнее, что золотых дней китобойного промысла он уже не застал. Керосин он называл жижей, а керосиновые лампы – вонючками. Но появление электричества оставило его равнодушным, а может быть, он уже тогда жил только воспоминаниями. Его смерть не была для меня ударом. Старик вымуштровал меня в этом вопросе так же, как в вопросе об оснастке кораблей. Я был готов к случившемуся внутренне и внешне.

У края занесенной илом и песком Старой гавани, на месте причала Хоули, еще сохранился каменный фундамент. Во время отлива он целиком обнажен, а когда набегают волны, они плещутся о каменную кладку. Футах в десяти от угла там есть небольшой сводчатый проход – четыре фута в ширину, четыре в высоту, пять в глубину. Может быть, когда-то тут была дренажная труба, но отверстие со стороны суши плотно забито песком и обломками камня. Это и есть мое Убежище, место уединения, необходимое каждому человеку. Увидеть меня там нельзя, разве только с залива. Старая гавань теперь совсем заброшена, есть там только несколько ветхих лачуг, где ютятся собиратели венерок[7 - Вид съедобного моллюска.], но зимой пустуют и эти лачуги.

К тому же собиратели венерок – тихие, нелюбопытные люди. Они бродят по берегу, согнувшись и опустив голову, и за целый день иногда не обмолвятся словом.

Туда-то я и направился теперь. Там я просидел ночь накануне ухода в армию, и ночь накануне свадьбы с Мэри, и часть той ночи, когда должна была родиться Эллен и Мэри так плохо приходилось. Я чувствовал потребность пойти и посидеть там, послушать, как бьется о камень мелкая волна, посмотреть на оскаленный клык Троицына рифа. Лежа в постели, я видел все это сквозь красные пятна, плясавшие у меня перед глазами, и я знал, что мне нужно побывать там. Меня всегда тянет туда накануне перемен – больших перемен.

Дальше вдоль края бухты расположен Саутдевен, и на берег наведен свет фонарей: это добрые люди заботятся о влюбленных, хотят уберечь их от беды, так что им приходится искать себе другое место. По инструкции муниципалитета, Крошка Вилли должен каждый час проезжать здесь во время своего дежурства. Сейчас на берегу никого не было видно – ни души, что даже казалось странным, так как тут во всякое время околачиваются рыболовы: одни идут на ловлю, другие с ловли, третьи с удочками торчат у воды. Я перелез через фундамент, нашел отверстие и забрался в тесную пещерку. И не успел я усестыся, как послышался шум проезжающей машины. Второй уже раз в эту ночь

я счастливо избежал встречи с Крошкой Вилли.

Казалось бы, довольно неудобно и глупо сидеть в каменной нише, скрестив ноги на манер Будды, но мне как-то не мешают камни, или это я им не мешаю. Может быть, я так давно сюда хожу, что мой зад обмялся по форме этих камней. А насчет того, что это глупо, так я не возражаю, пусть. Иногда чем глупее, тем веселее, недаром дети хохочут до упаду, играя в статуи. А иногда глупость нарушает заведенный порядок и помогает начать что-то сызнова. Когда у меня тревожно на душе, я нарочно дурачусь, чтобы любимая не заразилась моей тревогой. До сих пор мне удавалось обманывать ее, а если нет, я этого никогда не узнаю. Я многого не знаю о своей Мэри, прежде всего – что она знает и чего не знает обо мне. Вряд ли она подозревает об Убежище. Откуда? Я никогда никому о нем не рассказывал. У меня нет для него никакого особенного названия, никаких ритуалов или заклинаний. Это просто местечко, где хорошо сидеть и думать. Что мы, в сущности, знаем о других людях? В лучшем случае можем предполагать, что они похожи на нас. И вот, сидя в Убежище, защищенный от ветра, глядя при свете бдительных фонарей, как накатывает на берег волна, черная от ночного неба, я задумываюсь о том, у каждого ли есть свое Убежище и каждому ли оно нужно, или, может быть, есть такие люди, кому оно нужно и у кого его нет. Мне иногда случалось ловить чужой взгляд, полный тоски, как у затравленного животного, и казалось, это тоска по тихому, недоступному для других уголку, где улеглось бы душевное смятение, где бы можно побыть наедине с собой и разобраться, что к чему. Я, конечно, слышал про всякие там теории насчет влечения к смерти или тяги назад, в материнскую утробу – может быть, они и приложимы кое к кому, но не ко мне, разве только в качестве упрощенного объяснения того, что на самом деле не так просто. Если бы меня спросили, что я делаю в Убежище, я бы сказал: разбираюсь, что к чему. Другой, может, назвал бы это молитвой и тоже по-своему был бы прав. Размышление – тут неподходящее слово. Пожалуй, зрительно это можно бы представить так: полощется на ветру мокрое полотенце и постепенно просыхает, становясь гладким и белым. Мне всегда на пользу время, проведенное в Убежище, приятно это или нет.

На этот раз скопилось много вопросов, в которых нужно было разобраться, и все они выскакивали наперебой, требуя внимания, точно школьники, выучившие урок. Но тут я услышал мерный стрекот мотора. Люгер, рыбачий катер. Его клотиковый огонь двигался к югу за Троицыным рифом. Теперь надо было ждать, пока он благополучно обогнет риф и я увижу оба бортовых огня, зеленый и красный. Только местное судно могло так легко найти вход в бухту. Дойдя до отмели, катер стал на якорь, и к берегу отошла лодка с двумя гребцами.

Зашелестел под волной песок, потревоженные чайки взлетели и немного погода снова расселись на буйках.

Пункт первый. Нужно подумать о Мэри, моей любимой, которая спит сейчас с загадочной улыбкой на губах. Я не хотел, чтобы она хватилась меня, проснувшись. А впрочем, если она и хватится, разве я об этом узнаю? Едва ли. Мне кажется, Мэри, которая словно бы рассказывает мне все, на самом деле рассказывает очень мало. И вот теперь вопрос о богатстве. Нужно ли Мэри это богатство или она хочет его только ради меня? То, что это всего лишь мнимое богатство, неизвестно зачем выдуманное Марджи Янг-Хант, роли не играет. Мнимое богатство ничуть не хуже настоящего, и, пожалуй, богатство всегда в какой-то степени бывает мнимым. Любой неглупый человек может нажить деньги, если это то, что ему нужно. Но чаще всего ему не деньги нужны, а женщины, или дорогие костюмы, или поклонение окружающих, и это сбивает его с толку. Великих финансистов, художников своего дела, таких, как Морган или Рокфеллер, с толку не собьешь. Им нужны деньги, именно деньги, денег они и добиваются. А что они потом делают с этими деньгами – это уже другой вопрос. Мне всегда казалось, что они сами напуганы вызванным ими духом и пробуют от него откупиться.

Пункт второй. Для Мэри деньги означают новые занавески и возможность дать детям образование, и чуть повыше держать голову, и – будем говорить прямо – не стыдиться меня немножко, а гордиться мной. Она сама в этом призналась со зла, и это верно.

Пункт третий. Нужны ли деньги мне? Да нет, не нужны. Правда, мне не очень нравится быть продавцом в бакалейной лавке. В армии я имел чин капитана, но я знаю, чему я этим обязан. Не за красивые глаза меня направили в офицерскую школу, а благодаря имени и семейным связям. Но я был хорошим офицером, примерным офицером. Однако, если бы я по-настоящему любил командовать, навязывать другим свою волю и видеть, как передо мной по струнке ходят, я ведь мог остаться в армии и за это время дослужился бы до полковника. А я не пожелал. Мне хотелось как можно скорей покончить со всем этим. Говорят, хороший солдат думает о сражении, но не о войне. Это уже дело штатских.

Пункт четвертый. Марулло правильно объяснил мне, что значит делать дела. Это значит добывать деньги. И Джой Морфи тоже так прямо мне и сказал, и мистер Бейкер, и коммивояжер. Все они так прямо и говорили. Почему же это вызвало во мне такое отвращение и оставило словно вкус тухлого яйца во рту? Что я,

такой уж хороший, добрый, справедливый? Вряд ли. Может быть, я чересчур горд? Пожалуй, не без того. Или я просто ленив, слишком ленив, чтобы взяться за что-то? Свойственна многим такая бездеятельная доброта, которая есть попросту лень, боязнь беспокойства, усилий, волнений.

Бывает, до утра еще далеко, а оно уже угадывается, уже пахнет рассветом. Вот и сейчас в воздухе потянуло холодком, какая-то запоздалая звезда или планета показалась на востоке. Мне следовало бы знать, что это за звезда или планета, но я не знаю. В час ложной зари свежее и ветер крепчает. Это всегда так. И это значит, что скоро мне пора домой. Новой звезде недолго придется мерцать над горизонтом. Как это говорится – «звезды не приказывают, но склоняют»? Я слышал, между прочим, что многие серьезные финансисты советуются с астрологами насчет своих биржевых операций. Склоняют ли звезды играть на повышение? Подчинен ли «Америкэн телеграф энд телефон» влиянию звезд? Моя судьба не зависит от таких далеких и смутных влияний. Колода потрепанных гадальных карт в руках пустой, коварной женщины, которая еще и плутует, раскладывая их! Может быть, и карты не приказывают, но склоняют? Разве не склонили меня карты поспешить среди ночи сюда, в Убежище, и разве они не склоняют меня думать о том, о чем я вовсе думать не хочу? Это ли не влияние? А вот могут ли они склонить меня к деловой сметке, которой я никогда не отличался, к стяжательству, чуждому моей природе? Возможно ли, чтобы под влиянием карт я захотел того, чего не хочу? Есть пожиратель и есть пожираемые. Вот истина, которую не мешает запомнить для начала. Что ж, пожиратели безнравственнее пожираемых? Все ведь мы в конце концов станем пожираемыми – всех нас пожрет земля, даже самых жестоких и самых хитрых.

На Клам-хилл давно уже пели петухи, я и слышал это и не слышал. Мне хотелось еще побыть в Убежище, посмотреть оттуда на восход солнца.

Я сказал, что у меня нет никакого ритуала, связанного с Убежищем, но это не совсем верно.

Всякий раз, бывая здесь, я тешу себя тем, что мысленно восстанавливаю Старую гавань – лес мачт, подлесок снастей, свернутых парусов. И я вижу своих предков, родную кровь: молодые – на шканцах, кто постарше – на спардеке, старики на мостике. Кто тогда помышлял о Мэдисон-авеню[8 - Одна из центральных деловых улиц в Нью-Йорке.] или беспокоился – не срезать бы лишний лист с цветной капусты? Тогда человек обладал достоинством, обладал осанкой. Дышал полной грудью.

Это голос моего отца, простака. Старый шкипер вспоминал другое – ссоры из-за доли в прибылях, махинации с грузами, придирчивые проверки каждой доски, каждого кильсона, судебные тяжбы, убийства – да, и убийства. Из-за женщин, славы, жажды приключений? Ничуть не бывало. Из-за денег. Редкие компаньоны не расходились после первого же плавания, и жгучие распри тянулись без конца уже после того, как и причин-то никто не помнил.

Была одна обида, которую старый шкипер Хоули запомнил навсегда, одно преступление, которого он не мог простить. Много, много раз он мне рассказывал об этом, когда мы с ним стояли или сидели на берегу в Старой гавани. Мы так провели вдвоем немало хороших часов. Помню, как он указывал вдаль своей нарваловой тростью.

– Заметь себе третий выступ Троицына рифа, – говорил он. – Заметил? Теперь проведи от него черту до мыса Порти, до высшей точки прилива. Готово? А теперь отложи полкабельтова вдоль этой черты – вот там она и лежит, вернее сказать, ее киль.

– «Прекрасная Адэр»?

– Да, «Прекрасная Адэр».

– Наше судно.

– Наполовину наше. Она сгорела на рейде – вся сгорела, до самой ватерлинии. Никогда не поверю, что это было дело случая.

– Вы думаете, ее подожгли, сэр?

– Уверен.

– Но как же – как же можно пойти на такое?

– Я бы не мог.

– Кто же это сделал?

- Не знаю.

- А зачем?

- Страхование премии.

- Значит, и тогда было как теперь?

- Да.

- Но должна же быть разница?

- Разница только в людях - только в самих людях. В человеке вся сила. От него только все и зависит.

После пожара он, по словам отца, навсегда перестал разговаривать с капитаном Бейкером, но на сына последнего, директора банка Бейкера, эта обида не распространилась. Старый шкипер был так же не способен на несправедливость, как и на поджог.

Господи, надо спешить домой. И я заспешил. Я почти бегом пробежал по Главной улице, ни о чем больше не думая. Еще не рассвело, но над самым горизонтом уже брезжила узкая полоска зари, и вода там была чугунного цвета. Я обогнул обелиск у набережной и прошел мимо городской почты. Так я и знал: в подъезде одного из соседних домов стоял Дэнни Тейлор, руки в карманах, воротник обтрепанного пальто поднят, на голове старая охотничья каскетка со спущенными наушниками. Лицо у него было голубовато-серое, он казался иззябшим и больным.

- Ит, - сказал он. - Уж ты меня извини за беспокойство, пожалуйста, извини. Но мне необходимо прополоскать мозги. Сам знаешь, если бы не нужда, не спросил бы.

- Знаю. То есть, может, и не знаю, но верю. - Я дал ему долларовую бумажку. - Хватит?

Губы у него задрожали, точно у ребенка, который вот-вот заплачет.

– Спасибо тебе, Ит, – сказал он. – Да, на это я смогу продержаться целый день, а может, еще и ночь. – Он заметно оживился от одного предвкушения.

– Дэнни, надо тебе бросить это. Думаешь, я забыл? Ты был мне братом, Дэнни. Ты и сейчас брат мне. Я бы все на свете сделал, чтобы тебе помочь.

Его впалые щеки чуть порозовели. Он смотрел на деньги, которые держал в руке, и словно бы уже сделал первый живительный глоток. Потом он поднял на меня глаза, холодные и злые.

– Во-первых, я не люблю, когда суют нос в мои личные дела. А во-вторых, у тебя у самого гроша за душой нет, Итен. Ты такой же калека, как и я, только увечье у нас разное.

– Выслушай меня, Дэнни.

– С какой стати? Да мне, если хочешь знать, лучше, чем тебе. У меня есть козырь на руках. Помнишь нашу загородную усадьбу?

– Там, где сгорел дом? Где мы играли в прятки в погребе?

– Вижу, ты не забыл. Так вот, эта земля и сейчас моя.

– Дэнни! Ведь ты бы мог продать ее и начать новую жизнь.

– А я не желаю продавать. Каждый год у меня отрезают по кусочку – в счет налога. Но большой луг еще мой.

– Отчего же ты не хочешь продавать?

– Оттого что эта земля – это я сам. Я, Дэнни Тейлор. Пока она у меня есть, никакая сволочь не посмеет командовать мною и никакая мразь не упрячет меня под замок. Понятно?

– Но послушай, Дэнни...

- Не хочу ничего слушать. Если ты воображаешь, что купил за свой доллар право читать мне нравоучения – на! Возьми его обратно!

- Нет, нет, оставь себе.

- Ладно, оставлю. Но не берись судить о том, чего не понимаешь. Ты никогда не... не пил запоем. Ведь я не учу тебя резать ветчину. Ну, ступай себе, а я постучусь тут в одно местечко, где найдется, чем прополоскать мозги. И помни мои слова: мне лучше, чем тебе. Я по крайней мере не стою в фартуке за прилавком. – Он отвернулся и уткнул голову в косяк запертой двери, точно ребенок, которому достаточно зажмурить глаза, чтобы разделаться с внешним миром. И так он стоял, пока я не пошел прочь.

Крошка Вилли, дремавший в своем «Шевроле» напротив гостиницы, встрепенулся и опустил оконное стекло.

- Доброе утро, Итен, – сказал он. – Вы что, уже встали или еще не ложились?

- И то и другое.

- Должно быть, недурно провели ночьку.

- И не говорите, Вилли. Как в раю.

- Ну, ну, Ит, не вздумаете же вы уверять меня, что путаетесь с какой-нибудь шлюхой.

- Даю честное слово.

- Да будет вам. Сидели небось на берегу с удочкой. А как ваша хозяйка?

- Спит.

- Охотно последую ее примеру, вот только сменюсь с дежурства.

Я бы мог заметить на это, что он и на дежурстве не терял времени, но промолчал и пошел дальше.

Стараясь не шуметь, я вошел в дом с черного хода и включил в кухне свет. Моя записка лежала на столе чуть ближе к левому краю. Готов поклясться, что я положил ее как раз посередине.

Я поставил кофе на огонь и сел, ожидая, когда он вскипит, и только что в кофейнике забурлило, как вошла Мэри. Моя любимая выглядит совсем девочкой, встав поутру с постели. Никогда не скажешь, что это мать двух совсем больших ребят. И пахнет от нее так чудесно, похоже на свежее сено – самый ласковый и уютный запах на свете.

– Что это ты вскочил ни свет ни заря?

– Вот это мило. Да будет тебе известно, что я почти всю ночь провел на ногах. Видишь мои галоши вон там, у двери. Тронь их, убедишься, что они мокрые.

– Где же это ты был?

– Есть такая пещерка на самом берегу залива, утенок мой взъерошенный. Я туда забрался, чтобы следить за ночью.

– Да ну тебя.

– И я увидел, как из моря вышла звезда, и, так как у нее не было хозяина, я решил, пусть это будет наша звезда. Я ее приручил и пустил пастись на воле.

– Не дурачься. Ты, наверно, только что встал, а я услышала и проснулась.

– Не веришь мне – спроси Крошку Вилли. Я с ним недавно беседовал. Спроси Дэнни Тейлора. Я дал ему доллар.

– Напрасно. Он пойдет и пропьет его.

– Еще бы. Об этом он и мечтал. А где будет спать наша звезда, как ты думаешь, былинка?

– Кофе приятно пахнет, верно? Я рада, что ты опять дурачишься. Хуже нет, когда ты в миноре. Нелепый это был разговор насчет богатства. Я не хочу, чтобы ты думал, будто я несчастлива.

– А ты не беспокойся, карты все сказали.

– Что – все?

– Правда, правда, без шуток. Я скоро разбогатею.

– С тобой никогда не знаешь, что у тебя на уме.

– Это всегда бывает, когда человек говорит правду. Можно мне немножко отлупить детей в честь Воскресения Господня? Обещаю, кости будут целы.

– Я еще даже не умывалась, – сказала она. – Не могла понять, кто там тарахтит посудой в кухне.

Пока она была в ванной, я взял со стола записку и спрятал в карман. Но я все-таки не знал. Неужели нам не дано даже мелочи знать о другом? Какая ты там, в себе, Мэри? Ты слышишь меня? Кто ты там, в себе?

Глава 4

Эта суббота была не похожа на другие. Может быть, в каждом дне есть что-то свое. Но это был совсем особенный день. Мне слышался ровный бесцветный шепоток тетушки Деборы: «Сегодня Христос мертв. Это бывает только один день в году, и вот сегодня такой день. И все люди на земле тоже мертвы. Христос сейчас терпит муки ада. Но завтра – дай срок, пусть только наступит завтра. Тогда увидишь, что будет».

Мне трудно представить себе тетушку Дебору, всегда ведь трудно представить себе тех, кого привык видеть не издали. Но помню, она читала мне Библию, как читают ежедневную газету, да, пожалуй, так она ее и воспринимала, как рассказ

о событиях, извечно повторяющихся, но всегда полных увлекательной новизны. Каждую Пасху Христос в самом деле воскресал из мертвых, и это было как взрыв, все равно оглушительный, хоть его и ждешь. Для нее все происходило не две тысячи лет назад, а сейчас, сегодня. В какой-то мере она внушила это ощущение и мне.

Не помню, чтобы я когда-нибудь испытывал желание поскорей отпереть лавку. Утро, начало нудного, томительного дня, – мой личный враг. Но в это утро мне не терпелось уйти из дому. Я всей душой люблю мою Мэри, быть может, больше, чем самого себя, но, признаюсь, я не всегда слушаю ее с достаточным вниманием. Когда она заводит речь о платьях или о здоровье или пересказывает чьи-то слова, остроумные и поучительные, я попросту не слушаю вовсе. Иногда она возмущенно восклицает: «Да ты же это знаешь».

Я тебе говорила. Я очень хорошо помню, я тебе рассказывала об этом в четверг утром». И можно не сомневаться – так оно и было. Она мне рассказывала. Она мне рассказывает все – о некоторых вещах.

В это утро мне не только не хотелось слушать. Мне хотелось освободиться от этой обязанности. Может быть, я сам чувствовал желание поговорить, а сказать было нечего – ведь нужно отдать ей должное: она тоже часто не слушает меня, и слава богу. Она прислушивается к звукам моего голоса, стараясь по тону определить, как я себя чувствую и какое у меня настроение, устал ли я или мне весело. Что ж, это не так глупо. Она права, что не слушает меня, ведь я большей частью обращаюсь не к ней, а к некоему безмолвному слушателю, который сидит во мне самом. И она, в сущности, тоже не со мной говорит. Но, конечно, если дело касается детей или каких-нибудь чрезвычайных домашних событий, тогда все по-другому.

Я часто замечал, как много в разговоре зависит от того, к кому обращены твои слова. Я чаще всего обращаюсь к людям, которых уже нет в живых, например, к моему домашнему Плимут-року[9 - Скала в Плимуте, штат Массачусетс, где, по преданию, в 1620 году высадились «отцы-пилигримы», прибывшие из Англии на корабле «Мэйфлауэр».] тетушке Деборе или к Старому шкиперу. Я даже спорю с ними. Помню, один раз в пыльном, иссушающем бою я спросил Старого шкипера: «А надо ли?» И очень ясно услышал ответ: «Разумеется, надо. И не бормочи себе под нос». Он-то не спорил, он никогда не спорил. Только сказал:

«Надо», – и я пошел вперед. Никакой мистики тут нет. Просто человек ищет совета или оправдания в самой глубине своего существа, недоступной сомнениям и колебаниям.

Для чистого монолога, очень удобной формы таких поисков, банки и бутылки в бакалейной лавке – самые лучшие слушатели, реальные и безответные. Кошки, собаки, птицы тоже годятся. Они не возражают и не судачат потом.

Мэри сказала:

– Ты уже идешь? Да ведь у тебя еще целых полчаса. Вот и незачем было вставать так рано.

– До открытия лавки нужно распаковать целую кучу ящиков, – сказал я. – Расставить товар на полках. Принять ряд важных решений. Гармонируют ли пикули с томатным соком? Терпит ли абрикосовый компот соседство персикового? Ты же знаешь, как важно сочетание цветов в наряде.

– Тебе все смех, – сказала Мэри. – Но это хорошо. Лучше смеяться, чем ворчать. Мужчины такие ворчуны.

Было и в самом деле рано. Рыжий Бейкер еще не показывался. По этой собаке, да и вообще по собакам можно ставить часы. Ровно через полчаса он величественно прошествует мимо. И Джоя Морфи тоже не видно. Банк, правда, еще закрыт, но Джой, возможно, уже сидит там над своими книгами. В городе сегодня очень тихо, оно и понятно: много народу уехало до понедельника по случаю Пасхи. Пасха, Четвертое июля и День труда – самые большие праздники у нас. Люди уезжают отдыхать, даже если им этого вовсе не хочется. Воробьи на Вязовой улице и те, видно, отправились отдыхать.

Стонуолл Джексон Смит уже вступил на дежурство. Я увидел его, когда он выходил из «Фок-мачты» после чашки утреннего кофе. Он такой поджарый и тощий, что револьвер и наручники кажутся для него слишком громоздкими. Его полицейская фуражка лихо заломлена набок, и он ковыряет в зубах отточенным гусиным перышком.

– Желаю удачного дня, Стони. С утра добра, а к вечеру чтобы денег гора.

- Мм? – отозвался он. – В городе сегодня никого не осталось. – Он явно сожалел, что сам должен был остаться.
- Не было ли убийств или других развлечений в этом роде?
- Да нет, в общем тихо, – сказал он. – На мосту ребяташки разбили машину, но она их собственная, так что им ни черта не будет. Присудят оплатить ремонт моста. Слыхали про ограбление банка во Фладхэмтоне?
- Нет.
- Передавали по телевидению.
- У нас пока нет телевизора. А что, много взяли?
- Тринадцать тысяч, говорят. Вчера, перед самым закрытием. Втроем работали. Тревога поднята по четырем штатам. Вилли теперь сломя голову рыщет вдоль шоссе.
- Ничего, он выспался.
- Зато я нет. Даже не ложился всю ночь.
- Думаете, поймают?
- Наверняка поймают! Раз дело касается денег, тут уж берутся как следует. Страховые компании все равно не дадут покоя. Хочешь не хочешь, а доведи дело до конца.
- Неплохой был бы промысел, если бы не бояться, что поймают.
- Еще бы, – сказал он.
- Стони, вы бы зашли к Дэнни Тейлору. Вид у него – смотреть страшно.

– Да, долго он не протянет, – сказал Стони. – Ладно, пройду мимо – загляну. Беда с ним. А ведь славный малый. И из хорошей семьи.

– Тяжело мне. Я его люблю.

– Так с ним же ничего не поделаешь. Кажется, будет дождь, Ит. Вилли промокнет, а он этого терпеть не может.

Впервые на моей памяти мне приятно было пройти по переулку, и я с удовольствием отпирал боковую дверь лавки. У двери в ожидании сидел кот. Не припомню такого утра, когда этот тощий настырный кот не сидел бы там в надежде как-нибудь прошмыгнуть в отворившуюся дверь, но я неизменно прогонял его окриком или палкой. Насколько я могу судить, ему так ни разу и не удалось войти. Я считаю, что это кот, а не кошка, потому что у него оба уха рваные. Чудные животные кошки – а может быть, они кажутся нам смешными только потому, что похожи на нас, все равно как обезьяны? Семьсот или восемьсот раз этот кот пытался проникнуть в лавку, и ни разу ему это не удалось.

– Ну подожди, сейчас я тебя удивлю, – сказал я коту. Он сидел, уложив вокруг себя хвост так, что кончик подрагивал между передними лапами. Я вошел в темную лавку, снял с полки картонку молока, проткнул дырку и выпил молоко в чашку. Потом я отнес чашку с молоком в кладовую, поставил у самой двери и дверь оставил отворенной. Кот сосредоточенно посмотрел на меня, посмотрел на молоко, потом медленно пошел прочь и исчез за оградой банка. Только я потерял его из виду, как в переулке появился Джой Морфи с ключом от боковой двери банка в руке. Лицо у него было землистое, осунувшееся, словно после бессонной ночи.

– Привет, мистер Хоули.

– А я думал, у вас сегодня закрыто по случаю праздника.

– Праздники, видно, не для меня. Где-то вышла ошибка на тридцать шесть долларов. Я вчера за полночь сидел над книгами.

– Недостача?

- Нет, лишние.
- Это же хорошо.
- Как бы не так. Я должен найти ошибку.
- Не знал, что банки такие честные.
- Банки – да. Люди вот не все, к сожалению. Но я не могу думать о празднике, пока не найду ошибку.
- Жаль, я ничего не смыслю в финансовых делах.
- Могу изложить вам всю премудрость в одной фразе. Деньга деньгу делает.
- От этого мне не легче.
- Мне тоже. Но могу еще преподать несколько истин.
- Например?
- Например: кто спешит, тот всегда прогадывает. Или: не обманешь – не продашь. Или еще: каков покупатель, такова и цена.
- Это что, сокращенный курс?
- Именно. Но он ничего не стоит без первоосновы.
- Деньга деньгу делает?
- И, значит, все это не для нас с вами.
- А разве нельзя взять ссуду?
- Для ссуды нужно иметь кредит, а это те же деньги.

- Да, останусь-ка я лучше при своей бакалее.

- И то верно. Слыхали про ограбление Фладхэмтонского банка?

- Стони мне сказал. Забавно, мы как раз вчера с вами разговаривали на эту тему, помните?

- У меня там есть один знакомый. Грабителей было трое - один говорит с акцентом, один прихрамывает. Трое. Их поймают, это как пить дать. Может быть, через неделю. Может быть, через две.

- Рискованное дело!

- Да как вам сказать. Сработано было грубо. А грубая работа никогда себя не оправдывает, это закон.

- Вы меня извините за вчерашнее.

- Не стоит вспоминать. Я сам виноват. Еще одно золотое правило: держи язык за зубами. Никак не научусь его соблюдать. А вы отлично выглядите, мистер Хоули.

- Не знаю, с чего бы это. Я сегодня почти не спал.

- Болен кто-нибудь?

- Нет. Просто такая выдалась ночь.

- Мне можете не объяснять...

Я подмел лавку и поднял шторы, не думая об этой работе и не чувствуя ненависти к ней. Правила Джоя на все лады звенели у меня в голове. И я рассуждал, обращаясь к своей аудитории на полках, - может быть, вслух, а может быть, и нет, не знаю.

- Дорогие коллеги, - говорил я. - Если это так просто, почему же это удается только немногим людям? Почему почти всякий раз повторяются одни и те же,

одни и те же ошибки? Что-то неизменно упускают из виду, что ли? Может быть, тут слабым местом является доброта? Марулло говорит, деньги не имеют души. Не следует ли из этого, что для человека, имеющего дело с деньгами, доброта всегда слабость? Каким образом удастся заставить простых славных малых убивать на войне себе подобных? Правда, если противник иначе выглядит или говорит на другом языке, это облегчает задачу. А как же гражданская война? Янки, скажем, ели детей, а мятежники морили пленных голодом. Это тоже облегчение задачи. Погодите, маринованная свекла и соленые грибки, дойдет очередь и до вас. Вам, я знаю, хочется услышать что-нибудь о себе. Всякому хочется. Но я уже почти подошел к этому. В скобках, так сказать. Если духовный мир подчинен тем же законам, что и мир вещей, значит, все относительно в этой относительной вселенной – нравственность, нормы поведения, понятие греха. Иначе не может быть. От этого никуда не денешься. Хоть и в скобках.

А ты чего хочешь, коробка корнфлекса с маской Микки-Мауса на крышке с этикеткой, в обмен на которую, приплатив десять центов, можно получить чревоушательный аппарат? Тебя мне придется взять домой, но пока что сиди и слушай. То, что я говорил Мэри в шутку, – чистая правда. Мои предки, все эти высокопочтенные шкиперы и судовладельцы, несомненно с благословения правительства, занимались захватом торговых судов во время революции и потом в 1812 году. Это выглядело очень добродетельно и патриотично. Но в глазах англичан они были пиратами, присваивавшими чужое добро. Вот как было впервые нажито состояние семьи Хоули, которое не сумел сохранить мой отец. Вот откуда повелась деньга, делавшая деньгу. Мы можем гордиться этим.

Я принес ящик с томатной пастой, вскрыл его и начал выставлять хорошенькие баночки на почти порожнюю полку.

– Вам, может быть, неизвестно, потому что вы вроде как бы иностранцы. Деньги не имеют не только души, у них нет ни чести, ни памяти. Но они автоматически вызывают уважение, если сумеешь удержать их на какое-то время. Не думайте, что я осуждаю деньги. Напротив, я сам их очень люблю. Господа, позвольте представить вам новых членов нашего маленького общества. Вот я размещу их здесь, по соседству с бутылками кетчупа. Прошу любить и жаловать. Эти пикули для сэндвичей прибыли из Нью-Йорка. Там выросли, там приготовлены и законсервированы. Мы тут беседовали в дружеском кругу на тему о деньгах. Я мог бы назвать вам одно из лучших наших семейств – все вы, наверно, слышали это имя. Во всем мире оно известно. Так вот, эти люди разбогатели на поставках мяса англичанам в то время, как наша страна воевала с Англией, и тем не менее

пользуются всеобщим уважением – и сами они, и их деньги. Или возьмем другую династию – банкиров, самых крупных в своем деле. Его основатель купил у военного ведомства три сотни винтовок. Они были забракованы как дефектные и опасные для употребления, а потому достались ему очень дешево, центов по пятидесяти за штуку. А вскоре после того генералу Фремонту, готовившему свой героический поход на запад, понадобилось оружие, и он приобрел эти винтовки заглазно по цене двадцать долларов за штуку. Вероятно, они взрывались у солдат в руках... но история об этом умалчивает. Вот что значит «деньга деньгу делает». Неважно, откуда у тебя деньги, важно их иметь и с их помощью наживать еще. Не сочтите это за цинизм. Наш с вами господин и повелитель, наследник славного римского имени Марулло, совершенно прав. Когда дело касается денег, для обычных правил поведения наступают каникулы. Почему я люблю разговаривать с вами, с бакалейным товаром? Может быть, потому, что я уверен в вашей скромности. Вы не станете сплетничать, пересказывать мои речи. Деньги – скучная материя только для тех, у кого они есть. Для бедняков это самая увлекательная тема на свете. Но согласитесь, если у человека появился активный интерес к деньгам, он хоть немного должен представлять себе их природу, свойства и особенности. Очень мало кто интересуется деньгами ради самих денег – для этого нужно быть или истинным художником в своем деле, или скрягой. Причем таких скряг, которые скряжничают из трусости, считать нечего.

На полу выросла целая куча пустых картонных коробок. Я убрал их в кладовую: подровняю потом края, пригодятся. Покупатели охотно пользуются ими как тарой для покупок, и Марулло говорит: «Экономия пакетов, мальчуган».

Я больше не обижаюсь на это слово «мальчуган». Пусть зовет меня мальчуганом, пусть даже думает обо мне так. Пока я возился с коробками, кто-то забарабанил в дверь. Я взглянул на свой старый массивный серебряный хронометр. Поверите ли – первый раз в жизни я опоздал с открытием лавки. Я всегда отпирал точно в девять, минута в минуту, а тут стрелки показывали уже четверть десятого. Разглагольствования перед консервными банками отвлекли меня от дела. За стеклом и решеткой двери маячила Марджи Янг-Хант. Я никогда не обращал на нее особого внимания, никогда не приглядывался к ней. Может, оттого она и затеяла всю эту историю с гаданьем – просто чтобы вызвать интерес к своей особе. Не нужно показывать, что ей это удалось.

Я распахнул дверь.

- Извините, если побеспокоила.

- Да мне давно пора открывать.

- Разве?

- Конечно. Уже десятый час.

Она вошла в лавку. Ее зад, приятно круглившийся под платьем, слегка пружинил при каждом шаге: вверх – вниз. Спереди ее тоже бог не обидел, так что подчеркивать ничего не требовалось. Все было на своем месте. Про таких, как Марджи, Джой Морфи говорит «конфетка» – а может, и мой сын Аллен тоже. Я ее, пожалуй, первый раз видел как следует. Черты лица у нее правильные, нос чуть длинноватый, губы с помощью помады сделаны более пухлыми, чем они есть, особенно нижняя. Волосы выкрашены в красновато-каштановый цвет, какого в природе не бывает, но красивый. Подбородок хрупкий, хоть и с ямочкой, а щеки тугие и скулы очень широкие. Глазами своими Марджи, видно, занималась подолгу. Они у нее были того зелено-серо-голубого цвета, который меняется от освещения. В общем, лицо такое, которое многое может выдержать и выдерживало, не дрогнув, даже грубость, даже пощечину. Марджи метнула взгляд на меня, потом на полки с товаром, потом снова на меня. Вероятно, она приметлива и умеет запоминать примеченное.

- Надеюсь, вы не по такому же делу, как вчера? Она засмеялась.

- Нет, нет. У меня не каждый день бывают коммивояжеры. На этот раз у меня и в самом деле вышел весь кофе.

- Обычная история.

- То есть как?

- Из десяти утренних покупателей девять приходят потому, что у них вышел весь кофе.

- Нет, в самом деле?

- В самом деле. Кстати, за коммивояжера спасибо.
- Это была его идея.
- Но вы ее подсказали. Вам какого кофе?
- Все равно. У меня всегда получается бурда, какой бы я ни заваривала.
- А вы по мерке сыплете?
- Конечно. Но все равно получается бурда. Кофе – не... я хотела сказать – не моя специальность.
- Вы так и сказали. Попробуйте вот эту смесь. Я снял с полки жестяную банку, и когда Марджи потянулась, чтобы взять ее, – одно короткое движение, – каждая часть ее тела ожила, заиграла, заговорила о себе. Вот я – нога. Я – бедро. А лучше всего я – округлый живот. Все это было ново для меня, увидено впервые. Мэри говорит, что у каждой женщины есть свои сигналы, которые она выкидывает, когда ей это нужно. Если так, то Марджи обладает сложной системой сигнализации, в которой участвует все, от острых носков лакированных туфель до каждого локона мягких каштановых волос.
- Ваша хандра как будто прошла?
- Вчера меня в самом деле одолевала хандра. Откуда только это берется?
- Кто знает! Сколько раз со мной бывало так, и без всякой причины!
- Здорово это у вас получилось, с гаданьем.
- Вы не сердитесь?
- Нет. Мне просто интересно, как вы это делаете.
- Но вы же не верите в такие вещи.

- Неважно, верю или не верю. Кое в чем вы попали в самую точку. Насчет некоторых моих мыслей, некоторых поступков.

- Ну, например?

- Например - что настало время для перемен.

- Вы, верно, думаете, что я подтасовала карты?

- Неважно. Если и подтасовали, что вас заставило подтасовать так, а не иначе? Об этом вы не думали?

Она посмотрела мне прямо в глаза, пылливо, внимательно, с подозрением.

- Д-да, - сказала она вполголоса. - То есть я хочу сказать - нет, не думала. Что меня заставило подтасовать так, а не иначе? Выходит, и подтасовка не подтасовка.

В дверь заглянул мистер Бейкер.

- Привет, Марджи, - сказал он. - Итен, вы поразмыслили над моим предложением?

- Поразмыслил, сэр. И хотел бы поговорить с вами.

- Пожалуйста, Итен, когда угодно.

- В будни мне трудноато выбрать время. Вы же знаете, Марулло почти не появляется здесь. А вот завтра вы будете дома?

- После церкви, разумеется, буду. Отличная идея. Приходите часа в четыре, вместе с Мэри. Пока дамы будут обсуждать весенние шляпки, мы с вами уединимся и...

- У меня к вам целая куча вопросов. Пожалуй, я их заранее выпишу на бумажку.

– Сделайте милость. Что знаю, все охотно скажу. Так, значит, до завтра. Привет, Марджи.

Когда он ушел, Марджи сказала:

– Вы не теряете времени.

– А может, просто подчиняюсь судьбе. Слушайте, не сделать ли нам такой опыт? Раскиньте опять карты – вслепую, не глядя, и посмотрите, сойдется ли со вчерашним.

– Нет! – сказала она. – Так нельзя. Вы что, шутите или вас и вправду затронуло?

– По-моему, дело тут не в том, веришь или не веришь. Я, может быть, не верю в сверхчувственное восприятие, или в молнию, или в водородную бомбу, или даже в такие вещи, как фиалки или стая рыб, но я знаю, что все это существует. Я и в привидения не верю, а между тем я их видел.

– Ну, вы шутите.

– Нисколько.

– Вы перестали быть самим собой.

– Верно. Это с каждым случается время от времени.

– Но что послужило причиной, Ит?

– Не знаю. Может быть, мне надоело стоять за прилавком.

– Давно пора.

– Скажите, вам действительно по душе Мэри?

– Конечно. Почему вы спрашиваете?

- Казалось бы, вы совсем не... ну, в общем, вы с ней очень разные.

- Понятно, что вы хотите сказать. И все-таки она мне по душе. Я просто люблю ее.

- Я тоже.

- Везет же людям.

- Я знаю, что мне повезло.

- Не о вас речь, а о ней. Что ж, пойду варить свою бурду. А насчет карт я еще подумаю.

- Только не откладывайте, надо ковать железо, пока горячо.

Она вышла, постукивая каблуками, ее подбористый зад пружинил, точно резиновый. Я ее никогда не видел до этого дня. Сколько, наверно, есть людей, на которых я всю жизнь смотрю и не вижу. Даже подумать страшно. И опять – в скобках. Когда двое встречаются, каждый в чем-то изменяет другого, так что в конце концов перед вами два новых человека. Может быть, это значит... Нет, к черту, это слишком сложно. О таких вещах я решил думать только ночью, когда не спится. Меня напугало, что я не отпер лавку вовремя, забыл. Это все равно что оставить свой платок на месте преступления или, скажем, очки, как в том знаменитом чикагском деле. Что кроется за этим? Какое преступление? Кто убийца и кто убитый?

В полдень я приготовил четыре сандвича с сыром и ветчиной, положил салат и майонез. Сыр и салат, сыр и салат, лезьте на дерево, кому дом маловат. Два сандвича я отнес вместе с бутылкой кока-колы к боковой двери банка и вручил Джою.

- Ну, нашли ошибку?

- Нет еще. Все глаза проглядел, честное слово.

- Отложили бы уж до понедельника.

- Нельзя. Банковское дело любит точность.

- Иногда, если перестанешь ломать голову, тут тебя и озарит.

- Это я знаю. Спасибо за сэндвичи. - Он приподнял верхний ломтик хлеба, проверяя, положил ли я салат и майонез.

Торговать бакалеей в канун Пасхи - это, как сказал бы мой августейший и невежественный сын, «мертвое дело». Но произошли два события, которые, во всяком случае, доказывали, что где-то глубоко-глубоко во мне и в самом деле совершается перемена. Ни вчера, ни позавчера я бы, наверно, не вел себя так, как повел сегодня. Представьте себе, что вы перебираете образцы обоев и вдруг перед вами развернули совершенно новый узор.

Сперва в лавку заявился Марулло. Его жестоко мучил артрит. Он то и дело сгибал и разгибал руки, точно атлет-гиревик.

- Как дела?

- Так себе, Альфио. - Никогда раньше я его не называл по имени.

- В городе сегодня пусто...

- Что же вы не говорите «мальчуган»?

- Мне казалось, ты этого не любишь.

- Напротив, Альфио, очень даже люблю.

- Все разъехались. - Видно, плечи ему жгло, как будто в суставы был насыпан горячий песок.

- Когда вы перебрались из Сицилии сюда?

- Давно. Сорок лет назад.

- И с тех пор ни разу там не были?

- Ни разу.

- Почему бы вам не съездить туда в гости?

- Зачем? Все теперь там по-другому.

- И вам не интересно посмотреть?

- Да нет, не очень.

- А родные у вас есть?

- Как же, брат и его дети, и у детей уже тоже есть дети.

- Что ж, вам совсем не хочется повидать их? Он посмотрел на меня так, как я, должно быть, смотрел на Марджи, - точно в первый раз увидел.

- С чего это ты вдруг, мальчуган?

- Тяжело смотреть, как этот артрит мучает вас. В Сицилии ведь тепло. Может, там у вас поутихнут боли.

Он подозрительно покосился на меня:

- Что с тобой случилось?

- А что?

- Ты сегодня не такой, как всегда.

- А! Узнал одну приятную новость.

- Уж не собрался ли ты уходить от меня?

- Пока еще нет. Если бы вы надумали ехать в Италию, не беспокойтесь, я вас дождусь.

- А что за новость?

- Не хочу говорить до поры до времени. Это ведь дело такое... - Я покрутил рукой в воздухе.

- Деньги?

- Не исключено. А в самом деле, Альфио, человек вы богатый. Прокатились бы, пусть там в Сицилии поглядят, что такое богатый американец. И на солнышке бы погрелись. А лавку можете спокойно оставить на меня. Вы сами это знаете.

- Так ты не думаешь уходить?

- Да нет же, черт возьми. Вы меня достаточно знаете, разве я способен вас подвести?

- Тебя словно подменили, мальчуган. Что с тобой?

- Я же вам сказал. Поезжайте, поняните bambini[10 - Детишек (ит.)].

- Я теперь там чужой, - сказал он, но я почувствовал, что посеял в его душе тень чего-то - посеял крепко. И уже не сомневался, что вечером он придет в лавку и станет проверять книги. Подозрительный, сволочь.

Не успел он уйти, явился - точь-в-точь как накануне - коммивояжер «Б.Б.Д. и Д.».

- Я не по делу, - сказал он. - Просто собрался до понедельника в Монток. Вот и решил зайти по дороге.

- Очень кстати, - сказал я. - Мне как раз нужно вам кое-что отдать. - И протянул ему бумажник, откуда торчали двадцать долларов.

- Это вы зря. Сказал же я вам, что пришел не по делу.

- Возьмите!

- Как мне вас понимать?

- В наших местах так скрепляют договор.

- Но что случилось, вы обиделись?

- Ничуть не бывало.

- Так почему же?

- Возьмите! Торги еще не окончены.

- Господи, неужели Вэйландс предложил больше?

- Нет.

- Кто же, черт побери?

Я всунул двадцатидолларовую бумажку в его нагрудный карман, за уголок платка.

- Бумажник я оставляю себе, - сказал я, - он мне нравится.

- Послушайте, я не могу предложить другой цены, пока не снесусь с главной конторой. Подождите хотя бы до вторника. Я вам позвоню. Если вы услышите «Говорит Хью», знайте, что это я.

- Звоните, мне ваших денег не жаль.

- Но вы подождете, как я прошу?

- Подожду, - сказал я. - Увлекаетесь рыбной ловлей?

- Только в дамском обществе. Пробовал пригласить в Монток Марджи – конфетка, а не дамочка! Какое там! Напустилась на меня так, что я не знал, куда деваться. Не понимаю я женщин.

- Да, они все чудней и чудней становятся.

- Золотые ваши слова, – сказал он как-то по-старомодному. Он был явно озабочен. – Ничего не предпринимайте до моего звонка, – сказал он. – Господи, а я-то думал, что имею дело с наивным провинциалом.

- Я не намерен обманывать доверие хозяина.

- А, чушь. Вы просто хотели увеличить ставку.

- Я просто отказался от взятки, если вам так хочется называть вещи своими именами.

И вот вам доказательство, что во мне что-то изменилось. Я сразу вырос в глазах этого субъекта, и мне это понравилось. Даже очень понравилось. Прохвост решил, что мы с ним одного поля ягоды, но я покрупнее.

Перед самым закрытием лавки позвонила Мэри.

- Итен, – начала она, – ты только на меня не сердись...

- За что, моя былинка?

- Понимаешь, она такая одинокая, и мне... словом, я пригласила Марджи к обеду.

- Ну что же.

- Так ты не сердишься?

- Да нет же, черт возьми!

– Не чертыхайся. Завтра Пасха.

– Ах, кстати. Почисть свои перышки. Мы завтра в четыре часа идем к Бейкерам.

– К ним домой?

– Да, мы приглашены к чаю.

– Мне придется идти в костюме, который я сшила для пасхальной службы.

– Прекрасно, лопушок.

– Так ты не сердись за Марджи?

– Я тебя люблю, – сказал я.

И я в самом деле люблю ее. Очень люблю. И помню, я тут же подумал, каким сукиным сыном может иногда быть человек.

Глава 5

С Вязовой улицы я свернул на дорожку, вымощенную щебнем, но посередине дорожки остановился и окинул взглядом старый дом. Я смотрел на него с особым чувством. Мой дом. Не Мэри, не отцовский, не Старого шкипера, а мой. Могу продать его, могу поджечь, а могу ничего с ним не делать.

Не успел я подняться на третью ступеньку, как дверь распахнулась и на меня обрушился Аллен с криком:

– А где «Пике»? Ты принес «Пике»?

– Нет, – сказал я. Но (чудо из чудес!) он не разразился воплями негодования и обиды и не стал призывать мать в свидетели, что я же ему обещал.

Он только горестно охнул и поплелся прочь.

- Добрый вечер, - сказал я его удаляющейся спине, и он остановился и повторил «Добрый вечер» так, как будто это было иностранное слово, которое он только что выучил.

Мэри вышла в кухню.

- Ты постригся, - сказала она. Любую перемену во мне она объясняет или температурой, или стрижкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Известный английский архитектор XVIII века, испытавший в своем творчестве сильное влияние античной архитектуры.

2

Американский просветитель, живший в XVIII веке.

3

Предки (ит.).

4

Большое спасибо (ит).

5

Господи, зачем ты меня оставил! (древнееврейск.)

6

Твердокаменный Джексон (англ.) – прозвище Томаса Джонатана Джексона, генерала армии южан в Гражданскую войну в США.

7

Вид съедобного моллюска.

8

Одна из центральных деловых улиц в Нью-Йорке.

9

Скала в Плимуте, штат Массачусетс, где, по преданию, в 1620 году высадились «отцы-пилигримы», прибывшие из Англии на корабле «Мэйфлауэр».

10

Детишек (ит.).

Купить: <https://tellnovel.com/dzhon-steynbek/zima-trevogi-nashey-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)